

СНЫ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

1. НАПОЛЕОН.
 2. МОНТОЛОН ШАРЛЬ, граф.
 3. АЛЬБИНА, жена МОНТОЛОНА.
 4. БЕРТРАН, маршал Франции, старый друг НАПОЛЕОНА.
 5. ГУРГО КАСПАР, адъютант НАПОЛЕОНА.
 6. ЛУИ МАРШАН, слуга НАПОЛЕОНА, 25 лет; внешностью - НАПОЛЕОН в молодости.
 7. ЛОУ ГУДСОН, губернатор острова.
 8. Г-ЖА ЛОУ, его жена.
 9. МЭРИ, их дочь.
 10. РИД ТОМАС, начальник полиции.
 11. БЭЛКОМБ, торговец.
 12. Г-ЖА БЭЛКОМБ, его жена.
 13. БЕТСИ, их дочь, 17 лет.
 14. КИПРИАНИ, друг детства НАПОЛЕОНА.
 15. ЛУИЗА, 25 лет, жена НАПОЛЕОНА.
 16. КАМЕРИСТКА ЛУИЗЫ.
 17. ТЕНЬ НЕЯ.
 18. ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ, первой жены НАПОЛЕОНА.
 19. ТЕНЬ МАРЕСКО, стремянной НАПОЛЕОНА, 17 лет.
 20. ТЕНЬ МАРКИЗЫ ДЕ БРИНВИЛЬЕ.
 21. ГОРРЕКЕР, офицер охраны.
 22. ГУФФ, раб, имел удивительное сходство с НАПОЛЕОНОМ.
- Тени барабанщиков; Сын НАПОЛЕОНА, лет 10; сын МОНТОЛОНА 5 лет; часовой; ГРАФ БАЛЬМЕН, БАРОН ШТЮРМЕР, МАРКИЗ МОНШЕНЮ - представители России, Австрии, Франции; капитан шхуны; матрос; креолка в порту; гости на балу у Лоу.

СЦЕНЫ: 1. Лонгвуд, резиденция НАПОЛЕОНА. 2. Колониальный Дом, резиденция губернатора. 3. Дом торговца БЕЛКОМБА. 4. У обрыва. 5. В порту. 6. На борту шхуны.

Время действия - 24 часа.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ СЦЕНА 1

Остров Святой Елены. Дом БЭЛКОМБА. Ночь. За окном свирепствует буря. Комнату озаряют молнии, сотрясают громовые раскаты. БЕТСИ у распятия, в темноте её почти не видно.

БЕТСИ. Пусть исполнится его мечта, пусть Святая Елена проснётся, и поглотит нас вулкан. Ни одного дня, чтобы я не любила тебя. Я хочу умереть вместе с ним.

Г-ЖА БЭЛКОМБ спускается по лестнице, со свечой.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Ах, что за ночь.

БЕТСИ. Я люблю его, люблю как бурю, как огромный вспененный вал. Да услышат меня огненные духи, ветры во всей свирепой мощи. Да услышит меня вечность, где я буду любить его, пока над нами не погаснут все звезды.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Бэтси, где ты? Уильям, её нет! - Ах, дитя моё, что с тобой? Ты на себя не похожа.

БЕТСИ. Я молилась.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Я знаю, за кого. Его лачуга открыта всем ветрам, и когда-нибудь их скинет в пропасть.

БЭЛКОМБ (входит, со свечой). Он задолжал кузнецу за рессору.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Надо тесто подбить, как бы не убежало. Утром отнесёшь Бони кусок пирога с патокой: всё же годовщина коронации.

БЭЛКОМБ. "Коронации", ха-ха. Мундир выщвел, локти в дырах. (Замечает на руке БЭТСИ кольцо.) Что, - кольцо?

БЕТСИ. Фараона, с жуком скарабеем. Бони нашёл в пирамиде. А теперь - на моём пальчике.

БЭЛКОМБ. "Фараона", ха-ха. Видала: император дарит нашей дочери колечки.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Неужели фараона?

БЕТСИ. Надел на пальчик и сказал: "Моей Офелии от принца Гамлета".

БЭЛКОМБ. "Офелии". Без дров, одна корова – и та с голода орёт. Вот я читал в «Таймс»: пил кровь младенцев. Думаю, врут, но черт его знает?

БЕТСИ. Мама, я отнесу пирог Бони к завтраку? И надену розовое платье.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. И платье и шляпку, что подарил тебе... (Умолкает и крестится.) Передашь, что мы скорбим по Киприани.

БЭЛКОМБ. Экий проныра был, ха-ха, и на тебе - сегодня закопали.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Графиня Альбина тоже в безутешном горе. Такой красивой женщины я сроду не видала. Ах, потерять малютку – большое испытание. В раю, молится за отца.

БЭЛКОМБ. С тех пор, как он явился, остров трясёт чаще, да и бури крепче. Накличет беду корсиканский дьявол.

Стук в окно.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Кто бы это?

БЭЛКОМБ. Что за гость?

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Святая мадонна.

БЭЛКОМБ. Возьму пистолеты. Эй, чего надо? Прочь от двери, не то я продырявлю вам башку. – Ветер шутит, - никого.

БЕТСИ. Говорят, в скалах ещё прячутся те, что пытались захватить остров и освободить Бони.

БЭЛКОМБ. Отчаянные храбрецы. Прошли в тумане, под самым носом сторожевых кораблей. Бастионы едва удержались. Больше ста трупов лежало на берегу, и все молодые.

Стук в окно.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Боже правый.

БЭЛКОМБ. Э, не Гуфф ли часом?

Стук в окно.

БЕТСИ. Милый Гуфф, конечно, он!

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Гуфф сумасшедший, не впускай!

БЕТСИ. Он вернулся, мама, это Гуфф!

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Что творит эта девчонка!

Скинув засовы, БЕТСИ открывает дверь – крик ворона, ветер гасит свечи.

БЭЛКОМБ. Чёртова вещунья. Закрой дверь, дочка. Зажги свечи, жена.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Единственный раз вы пошли против бога, мистер Бэлкомб: купили раба, – человека, и он сошёл с ума. И вот уже семнадцать лет мы не знаем, что с ним делать. Ладно, что безумен, но – сходство с императором!

БЭЛКОМБ. Ха-ха. Как родные братья. Вот Гуфф и возомнил себя Наполеоном.

БЕТСИ. Над императором смеётся небо, рок возненавидел Бони.

БЭЛКОМБ. Такие чудеса нам, смертным, не понять.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. А губернатор Лоу нами недоволен: завтра бал, а нас не пригласили.

БЭЛКОМБ. Бетси выросла под присмотром Гуффа, кто скажет о нём плохо? Было бы хуже, окажись он похож на Лоу, ха-ха. Проклятье, - земля гудит. Началось.

Гул, звенит посуда.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Святая Елена, пощади наш очаг.

БЭТСИ. Гудит - будто стонет.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Не снять ли горшки с полок?

БЭЛКОМБ. Э, ты глянь в окно, жена: молнии бьют в самое жерло вулкана.

БЕТСИ. Милый, добрый Гуфф, - где он? Стоит над обрывом, как статуя, бедный, у пещеры колдуна, или бродит, почти без, одежды, вообразив себя призраком.

БЭЛКОМБ. Пещера Галлея – худое место. Говорят, крест на могиле разбила молния, а под крестом - нора, змея в ней живёт – толщиной в мою руку.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Какой ужас, боже, какой ужас.

БЕТСИ. А я раз ночью на могиле колдуна молилась, да, и никакой там нет змеи.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Ты - ночью? Выдумщица.

БЕТСИ. Пришла и молилась. Луна в полнеба, а океан, мама, а звёзды!..

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Окажись император в Париже - выдал бы тебя за принца. Ну, будет с нас, свети, муженёк. Погудит - перестанет, помолимся и спать. Тесто поднялось, пирог будет на славу.

БЭЛКОМБ. Кончина Киприани не выходит из ума. То собаки дохли, коты, потом слуги, а нынче и младенцы. Смерть облюбовала старый свинарник.

БЕТСИ. Бедный император, бедный мистер Гуфф. Синьор Киприани умер так некстати.

Г-ЖА БЭЛКОМБ (БЭТСИ). У Луи глаза – омут, женская погибель, держись подальше, даром, что камердинер. Такой приветливый, учтивый; в наших краях мог бы сойти за юного принца Уэльского. А вот майор Горрекер был бы тебе хорошей парой.

БЭТСИ. Мама, да ведь он женат.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. А, ну, да, я и забыла.

Уходят. Ураган продолжает свирепствовать.

СЦЕНА 2

Резиденция губернатора. Той же ночью. ЛОУ, РИД, ГОРРЕКЕР.

ГОРРЕКЕР. Небывалый ураган, сэр. Огромные валуны летят с вершины.

ЛОУ. Плевать. Удвоить караулы вокруг французов.

ГОРРЕКЕР. Сэр, туда не добраться даже на волах: ветер сбивает с ног.

ЛОУ. Чёрт вас дери! Так ползите на брюхе. Мы здесь не на отдыхе. На тропах к океану выставить дополнительные посты. Уверен, перебиты не все. Дом Бонапарта окружить двойным кольцом.

ГОРРЕКЕР. Да, сэр... А что если с дома сорвёт крышу, как в прошлый раз?

ЛОУ. Молитесь, чтобы в него ударила молния, Горрекер.

ГОРРЕКЕР. Я молюсь, сэр.

ЛОУ. Туманы и бури не на нашей стороне. Жду вас утром с докладом, майор.

ГОРРЕКЕР. Спокойной ночи, сэр.

ЛОУ. Не могу пожелать вам того же. Надеюсь, нападение на остров отрезвило вас, не так ли?

ГОРРЕКЕР. То был хороший урок, сэр. Просто чудо, что он не сбежал.

ЛОУ. Чудо – что мы живы. Если он сбежит, меня и вас повесят. Я хочу, чтобы все уяснили: Бонапарт – самое ценное из всего, что когда-либо становилось добычей Англии.

ГОРРЕКЕР уходит.

ЛОУ. Вы любите охоту, Рид?

РИД. Я вырос в Шотландии.

ЛОУ. Зверь истекает кровью, загнан в яму, но... Смирение Бонапарта – маска, за маской – ярость умирающего льва. Он что-то затевает. Я чувую это, чувую.

РИД. Кругом, однако, океан, ваше превосходительство. Прошло два месяца после нападения на остров, не обнаружен, ни один.

ЛОУ. А сколько их ещё - безумцев, готовых умереть за него. И они плывут, Рид, – сюда, со всего света. Они здесь, Рид. Не спать, проверить караулы. Они здесь!

РИД. Право же, ваше превосходительство.

ЛОУ. Не спать! След в след, Рид, след в след!

Молния, раскат грома.

СЦЕНА 3

Лонгвуд, резиденция НАПОЛЕОНА. Той же ночью.

Крохотная гостиная, почти темно. Часы на камине бьют полночь.

ЛУИ (за сценой). Землетрясение, сир!

НАПОЛЕОН (за сценой). Фланкировать марш! Снять кирасирский полк! (Зовёт.) Луи?

МОНТОЛОН (входя). Душит. Проклятый остров. Душит. Ненавижу. Бред. Проклятый сон. Земля дрожит. Горло. Больно.

НАПОЛЕОН (за сценой). Луи?..

Входит ЛУИ, не замечает МОНТОЛОНА.

ЛУИ (входя). "Жалеть о раннем вздохе? В вас нет души солдата!" Трам-та-да-там!

НАПОЛЕОН. Луи!?

ЛУИ. "Лета съежила воды." - Иду! (Уходит.)

МОНТОЛОН. В этом ужасном климате; духота, его брюзжание; вонючая жижа на полу после дождя. Как я хочу в Париж.

ЛУИ (проходя, с подушками). "Мы познали упоение боем и пали, сытые бурей." – "О да, сир!" – "Грохот - как при Лейпциге." - "О, да!"

МОНТОЛОН. Луи?

ЛУИ. Граф?

МОНТОЛОН. Император в постели?

ЛУИ. Он лёг на диване.

МОНТОЛОН. Я слышал, он звал тебя.

ЛУИ. Поправить простыни, потом – подушки.

МОНТОЛОН. Что – «подушки»?

ЛУИ. Показались жёсткими, - несу свои.

МОНТОЛОН. Почему же ты не разбудил меня?

ЛУИ. Вы слышали, почему же не поднялись?

МОНТОЛОН. Потому что он меня не звал.

В дверях НАПОЛЕОН, не брит, в старом халате, голова повязана фуляром красного цвета.

НАПОЛЕОН. Луи! Я стою на Вандомской колонне? В образе античного героя?

ЛУИ. В римской тоге, сир.

НАПОЛЕОН. Индия осталась непокоренной. Ну и чёрт с ней.

ЛУИ. Молния! Диана завывает. Трясёт! Держитесь за косяк!

НАПОЛЕОН. Вулкан станет моей гробницей. Умрём прекрасной смертью!

ЛУИ. Никогда не видел, как взрываются вулканы.

НАПОЛЕОН. Б****кая Африка. Не выпил ни одной чашки чая, чтобы не проклясть славу и тщеславие, приковавших меня к этой б****ской скале.

ЛУИ. Сир, а огонь плачет?

НАПОЛЕОН. Кто? Огонь? Плачет, ещё как. Чёрным пламенем, сынок. Видел сам – у Ахерона.

ЛУИ. Вот бы и мне.

НАПОЛЕОН. Не долго ждать!

НАПОЛЕОН и ЛУИ уходят.

МОНТОЛОН. Пик Дианы дрожит. Недра кипят лавой, земля и небо трещат по швам. Ну конечно, я люблю его, обожаю, но... Временами ненавижу. И боюсь. (Замечает книгу. Встревожен.) Была в корзине. Заложена страница: "Казнь отцеубийцы..." Виселица, петля на шее... (Читает.) «Два-три кристалла яда маркиза незаметно...» - Это вы, мадам, вы?.. Нет-нет. Безумие. Пошла!..

(Входит ПРИЗРАК МАРКИЗЫ ДЕ БРИНВИЙЕ.)

МАРКИЗА (шепотом). Дай пять кристаллов – лишь лёгкое недомогание.

МОНТОЛОН. Уйдите, прошу вас...

МАРКИЗА. Печёт в кишках, нет воздуха и кровоточат дёсны. Пять, - чёрных, как глаза змеи. Ха-ха-ха!

МОНТОЛОН. Пресвятая дева...

ЛУИ (входя). Как вы полагаете, граф, могу я снять креп с зеркал?

МАРКИЗА (уходя). Ад ждёт убийства, убийства...

МОНТОЛОН. Прочь... Неужели я схожу с ума?

ЛУИ. Граф?..

МОНТОЛОН. Что?.. Ах, креп... Слышишь? - Голос!

ЛУИ. Император беседует.

МОНТОЛОН. Мне показалось - Киприани?

ЛУИ. Синьор Джузеппе в могиле.

МОНТОЛОН. Но – голос? С кем? – Никого нет.

ЛУИ (пожимая плечами). Значит, есть.

ЛУИ снимает чёрную вуаль с зеркала.

МОНТОЛОН. Луи, не хочет ли император диктовать?

ЛУИ. Спросите сами, если вам надо. (Уходит.)

МОНТОЛОН. Голоса мёртвых. Схожу с ума. Ползут по стенам. Дышат на свечу.

НАПОЛЕОН (за сценой). Жозефина!?

МОНТОЛОН. Огонь плачет. Разъярённое небо. Зовёт ночами. И плачет.

Дверь приоткрывается: НАПОЛЕОН на табурете, накрыт с головой простыней.

НАПОЛЕОН. Жозефина!..

МОНТОЛОН. Изумруд; перстень тяжёл, как надгробие, и ужас, как змея, скользит по жилам к самому сердцу, - ужас, скользкая гадина.

НАПОЛЕОН. Жозефина!

МОНТОЛОН. В белом саване, прозрачнее тумана. Исчезни! Уходи!

В спальню НАПОЛЕОНА проходит ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Дверь закрывается. Молнии, раскаты грома.

Боюсь её взгляда. Кровь стынет. Яд. (Срывает с руки перстень.) Мерзкий холод, мерзкая тварь.

ЛУИИ (входя, с подушкой). "Пусть выбьют на скважистом камне: «Здесь жило славное племя!» – "О, да, сир!" – "Ураганы, войны, падение звезды, и грусть благородного сердца!.." – "О, да!.."

МОНТОЛОН. Луи, ты разве пишешь стихи?

ЛУИИ. Я? А вам что?

МОНТОЛОН. Крики... – Слышишь?

ЛУИИ. Ветер.

МОНТОЛОН. Да нет же.

ЛУИИ. Вы устали. Похороны, жара. Слуги едва держались на ногах. К счастью, император остался дома. Обморок мог повториться. Воздух удушлив, я сам едва...

МОНТОЛОН. Луи, милый Луи...

ЛУИИ. Да, мсье?

МОНТОЛОН. Киприани в гробу, в земле, лежит мёртвый, а мы на краю обрыва. А каждую ночь бури, ливни... Постой, Луи.

ЛУИИ. Граф?..

МОНТОЛОН. Корсика – твоя родина? Я бывал в Аяччо.

ЛУИИ. Теперь у нас сбор апельсинов. Я покинул дом в тринадцать лет.

МОНТОЛОН. А я... Я учился в военном училище. Однажды в класс вошёл...

ЛУИИ. Я знаю, новый учитель математики, капитан Бонапарт.

МОНТОЛОН. Это мгновение...

ЛУИИ. Я знаю.

МОНТОЛОН. И в то мгновение...

ЛУИИ. Вы рассказывали.

МОНТОЛОН. Никому, никогда! - Видение, Луи, - остров, океан, - видение, да, будущее - с зоркостью орла, всё, всё, до последнего дня!

ЛУИИ. Вам надо отдохнуть. А мне – идти.

МОНТОЛОН. Ты амурничаешь с прачкой Маннон. И продолжаешь навещать дочь аптекаря? Я доложу императору. Он запретил тебе.

ЛУИИ. Как угодно, мсье.

МОНТОЛОН. Император запретил тебе жениться на ней. Но лучше бы ты женился.

ЛУИИ. Нет, мсье. Я сделаю, как прикажет император. (Уходит.)

МОНТОЛОН. Остров, океан, смерть. Подземный гул. Земля трясётся. Император стонет. – Кто здесь?

Молния, гром. Входит ТЕНЬ КИПРИАНИ.

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Любовь есть долг.

МОНТОЛОН. Исчезни, тебя нет!

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Мы на часах. На страже доблести, граф.

МОНТОЛОН. Пропади. Я ничего тебе не должен. Убирайся. (ТЕНЬ КИПРИАНИ уходит в спальню НАПОЛЕОНА.) Сволочь. Сдох, ты сдох! Души не спасти, - хотя бы здравый ум. Яд, орудие злобы. И мести.

Не успевает всыпать яд в бутылку – входит АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА. Шарль?

МОНТОЛОН (роняет перстень). Мой бог! Альбина...

АЛЬБИНА. Чепчик. Мне снилась наша малютка, Наполеонна. Ещё пахнет – её головкой, - понюхай, Шарль, – крылышком ангела. Ты что, увидел мертвеца?

МОНТОЛОН. Я?.. По ночам я... Снилось, - меня душат, и...

АЛЬБИНА. Малютка спит в гробу и не слышит беды. Император сражён горем. А тут ещё умер Киприани. (У зеркала, с вуалью.) Я молилась, я... Дух дан богом, Шарль. Что с

тобой? Что, Шарль?.. Здесь он упал, бедный. Мне нравилось его слушать. Всегда столько рассказов наготове, уж он умел развлечь женщину, ха-ха.

МОНТОЛОН. Проклятый Киприани. Сволочь. Не даёт покоя.

АЛЬБИНА. О чём они шептались? Моё сердце предчувствовало, моё... - разрывалось от боли и муки. ...Замыслили, в тайне от нас.

МОНТОЛОН. Кто?

АЛЬБИНА. Шептались на итальянском. Шарль! Император так постарел, он должен умереть на острове, непременно!

МОНТОЛОН. Тише. Что ты!?

АЛЬБИНА. Так изменился. Даже трудно узнать. Не бойся, он на ухо туг. Он не может так жить – долго, – в позоре: они требуют!..

МОНТОЛОН. Кто?

АЛЬБИНА. Терновый венец, милый. И долг.

МОНТОЛОН. Альбина?..

АЛЬБИНА. И мёртвые, Шарль, - они ждут, и так благородны, они...

МОНТОЛОН. Ты обезумела, что ты несёшь!

АЛЬБИНА. Ты ужасно смешон, ха-ха. Выглядишь хуже, чем Джузеппе в гробу. Ха-ха. Какой ужас. И каждую ночь грозы, бури – каждую ночь. Такими ночами мёртвые покидают свои могилы - чтобы мстить. О, все святые! Он дал ей титул: маркиза Лаперуз – моей малютке, нашему ангелу.

МОНТОЛОН. Альбина, любовь моя, не плачь. Ты оставила наших детей, вернись к ним, любимая, прошу тебя.

АЛЬБИНА.пусти меня! Да я и не плачу. Ты... да-да, дети... Надо бы простить их. Разве они виноваты, что живут? Надо простить их, полюбить снова, но... Нету сил, Шарль, нету сил! (Уходит.)

МОНТОЛОН на полу, ищет перстень.

МОНТОЛОН. "Аромат крыла". Маркиза Лаперуз. Где же перстень? Кристаллы яда; бриллианты; "чёрным пламенем"; глаза змеи. Видит бог, я ли не хочу простить, но... Она его любовница, шлюха, ненавидит наших детей, которых так любила, сука. Я обесчещен, и возвращаю ненависть.

Молния. ТЕНЬ КИПРИАНИ и НАПОЛЕОН – идут из одной двери в другую.

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Сир, мой труп выкопали из могилы.

НАПОЛЕОН. И тебе, мошенник, не стыдно являться ко мне в таком виде? Настоящее оскорбление человеческому разуму. Моя судьба быть погребённым вулканом.

Уходят. Подземный гул.

МОНТОЛОН. "Быть погребённым..." Схожу с ума. Яд разъедает мозг. С неодолимым отвращением думаю о жизни, не сплю ночами, в раздоре с мёртвыми. Мой перстень!..

НАПОЛЕОН (входит). Рок властен всюду – но не над духом. Полагаюсь на тебя всецело, сын мой.

МОНТОЛОН. Сир?..

НАПОЛЕОН. Надо взять смерть хитростью: нельзя допустить, чтобы я попал в их руки в таком плачевном состоянии. (Уходит.)

МОНТОЛОН. Что это было? – Видение?.. Змея под изумрудом, змея, мать Иуды, скользкая гадина!..

АЛЬБИНА (в дверях). Шарль!

МОНТОЛОН. Ты? Да? Что?

АЛЬБИНА. Киприани синий, в гробу, рот открыт, глаза смотрят. Шарль? Земля трясётся. Привыкла даже к этому. Подумаешь, вулкан. Отдай чепчик. Пахнет тельцем?.. Ничтожество. (Уходит.)

МОНТОЛОН. Не жаждал подвигов, был добр и честен, ни одного холодного порока, видит бог. Крылышки ангела... Когда же рассвет?..

НАПОЛЕОН, за ним ЛУИ, несёт постель. МОНТОЛОН - за шкафом. Подземный гул, всё трясётся.

ЛУИ (входя). Земля гудит. - Будто конница...

НАПОЛЕОН. Идёт лавиной. Моя судьба быть погребённым вулканом. Боишься мертвецов?

ЛУИ. Не то, чтобы... Куда, сир, - на диван, что ли?

НАПОЛЕОН. Ищи другой угол. Знаешь, с детства не выношу мёртвых, а всю жизнь воевал.

ЛУИ уходит. НАПОЛЕОН у камина, прислушивается и своим стоном вторит ветру.

НАПОЛЕОН. Дать обратить себя в стареющую плоть.

МОНТОЛОН. Благое провидение, - он воет, в слезах!..

НАПОЛЕОН. Заточение! Почему я не умер, почему?

МОНТОЛОН. Я вне себя от горя. Чего хочу? Неужели мести?

ЛУИ (за сценой). Сир, тут крыса книгу жрёт, - та, рыжая, с бельмом. Во сука!

НАПОЛЕОН. Соблазны, как ведьмы у котла: бежать. - Куда?!

ЛУИ (входит). Такая мерзкая, я - палкой, она, ****ь, в нору, а в пасти, ха-ха, приглашение от губернатора. Она что ли на бал собралась? Ха-ха-ха! Крыса на бал! (Уходит.)

НАПОЛЕОН. Примириться с судьбой - вот подлинное величие разума.

ЛУИ (за сценой). Сир, у меня свеча погасла. Ой, я шишку набил.

НАПОЛЕОН.

Оставив трон без жалких слов,
Я стал заправский крысолов,
Гроза и вождь хвостатой свиты...
У Ватерлоо мы раз...

Счастье - это когда ты знаешь, что сыновняя рука закроет твои глаза.

ЛУИ (входя). В бурю крысы хуже собак. Постелил, сир. А вот когда мы с вами в Дрездене, не то в Вене, - я там в замке такую белую, усатую...

НАПОЛЕОН. Что ни говори, а у нас в Тюильри они и жирней были и хвосты длиннее, а, Луи?

ЛУИ. Точно, и жирней и... Х-ха-ха!

НАПОЛЕОН и ЛУИ уходят.

МОНТОЛОН. Без Иуды нет Голгофы, без Голгофы нет Христа. Чего хочу? - Благодарности мёртвых. Благодеяние убийцы. Мог ли Иуда не любить Христа! Гроза и вождь... Иуда не предал, нет-нет: провиденье судьбы, - вот истина: рок! Да, видение - ребёнку, в шуме листвы осины. Голгофа, крест, проклятие. Но что миру до Иуды. И сны и слёзы? А мои ночи! - Ведь даже тот, кого любил Христос, навеки проклят. В моей судьбе всё то же. Разве что... тихое, как тень, убийство.

Раскат грома. Входят ЛУИ с матрасом и НАПОЛЕОН, опираясь на палку.

НАПОЛЕОН. Всех замучил, даже мёртвых. Стели здесь.

ЛУИ. Тут и мягче, и сны слаще, и ночь короче.

НАПОЛЕОН. Луи, неужели я стоял на Вандомской колонне?

ЛУИ. В образе античного героя, сир. - Опять она, у, сука брюхатая!

Подземный гул, всё трясётся.

НАПОЛЕОН. Трепещу как роженица, весь в поту: последняя коронация. Редингот без пуговицы, в чулке дырка. (Под бумагами шуршание.) Собираюсь на прогулку, надеваю шляпу, из неё – крыса, и прямо мне на голову.

ЛУИ. Жаль, старый кот околел, а молодые обленились.

НАПОЛЕОН. Да, околел, был славный боец.

ЛУИ. А помните нашего рыжего в Тюильри, как он пирожные с подноса крал?

НАПОЛЕОН. Воровитый был.

ЛУИ. Интересно, что с ним?

НАПОЛЕОН. Служит Бурбонам, как и все. Я слишком полюбил свою кровать, не променяю ни на один трон мира. Туман спадает: лица, рты, глаза. А те – «живые без величия». Что за живые – ни доблести, ни битвы. Живые с мёртвой кровью. На маленькой планете, кружимся - в холодной бездне, пригретые солнцем, кружимся. А хочется покоя, наслаждений, ха-ха, удовольствий. Вечной жизни! (Сардонический смех, - обрывает смех, кричит.) Франция простит мне искушение сделать её владычицей Вселенной!

Шуршание в углу.

ЛУИ. Та, с бельмом, - карту жрёт. Чем бы бросить?

НАПОЛЕОН. На башмак.

ЛУИ. Вот же сука, вот же ****ь!

НАПОЛЕОН. Планы кампаний, приказы, воззвания, движение народов, изумление Европы, дрожь полумира. - Сколько трудов набить брюхо старой крысы. Мерзавка, знала б, вкус каких побед! А мне? – Сны и ночи. И слёзы. И Шарантон на скале вместо славы и трона. И вино с ядом. Уж не влюблён ли? – все симптомы: понос, рвота и неизлечимый разгром.

ЛУИ. Можно предать Наполеона – невозможно сделать из него предмет насмешек.

НАПОЛЕОН. Из тебя будет толк. Подземный гул, блеск молний. Имя, образ – всё наводило ужас. А как-то утром не дали кофе.

ЛУИ. У вас были колики.

НАПОЛЕОН. Повторяю просьбу без ропота и обиды. Высокие надежды и героическое смирение. Повелитель мира. Умру – земля содрогнется, взрыв вулкана услышат в Европе: «император умер». Державы отзывают представителей. Неужели мои акции так низко пали?

ЛУИ. Я слышал, будто нас - в Австралию.

НАПОЛЕОН. Мда. Мой век теряет величие, а я ещё жив. (Поёт).

Вон, Колен Колетту бьёт,

И вопит она под палкой.

Раз в неделю так поёт

Их любовь в каморке жалкой.

Бежать? Отдать им всё, что я завоевал: остров, океан и Южный Крест. Марсельеза в Америке. Вам нужен Наполеон? – его здесь нет: император умер, душа смирилась. Дай бокал. Себе налей.

ЛУИ (поёт).

Кто сказал, что у Полетты

Грудь немножечко пышна?

Пустяки! В ладони этой

Вся поместится она.

НАПОЛЕОН(поёт).

Славно чокнувшись вот так,

Заглянув потом в аллею,

Где они вступили в брак,
Под собой сломав скамейку!
Ха-ха-ха!.. Баста!

(Всматривается в угол, где спрятался МОНТОЛОН.)

Зашевелился загробный улей. Тсс... шепоток мёртвых: у смерти свои наставники. Дожить до ста – ну, если захочу. Суровое достоинство отца, и шрамы от тернового венца, и белые одежды. Другое дело – потерю ум. А счастлив – будто Гуфф. Толпа, маски, шум, гогот: «Кого везут?» На голове корона, бубенцы. Человечество! Займу при нём высокий пост шута. – Бьёт молния, другая ей вдогонку.

ЛУИ. И третья, сир! Земля дрожит, – вулкан!

НАПОЛЕОН. Вулкан! Моя звезда. Луи, какая ночь! Быть поглощённым вулканом – вот моя смерть. Ничто на свете не удержало бы меня на этой скале, но – мечта, мечта! сладкоголосая сирена, – мечта, коварный страж: вулкан, моя гробница! Пламя спит, но не остыло: гром в утробе дремлет. Молния! – зов стихий, и в этом суть: небеса разверзлись, конец превзойдет начало!

ЛУИ. Грандиозное, блистательное представление!

НАПОЛЕОН. Своей смертью я возвеличу их ещё больше! Вулкан, легенды, восторги потомков. Так рождаются бури – низвергаются наземь утёсы, как раскалённый металл, небеса, и стоит мне воздеть руки!..

ЛУИ. Наполеон! О-го-го! При этом имени взрывался порох!

НАПОЛЕОН. На Франции всегда будет отблеск моей славы! Смерть – мой последний резерв!

Неожиданно – тишина.

ЛУИ. Тихо-то как. Ложитесь, ваше величество, я вас укрою.

НАПОЛЕОН. Нда. Выкрик часового, стук дождя по крыше. Живу на скотном дворе, в коровнике, над морем, на высоте пятнадцать тысяч футов. Черви и крысы, вонючая жижа из-под пола. Днём – зной, ночью – ливни, ливни. Плесневеют книги. Нотариус Бонапарт. Почтмейстер Бонапарт. Уютный домик, в огороде капуста, писал бы стихи. Мир был покоен, всё с негой призывало к домашнему очагу. Идиот. Впутался в политику. Стоять бронзовым болваном на будуаре в спальне! А? – Идиот. – Марсель или Ницца, отец семейства, и мирный приют неизвестности. Чему бы ни учила жизнь, сердце верит в чудеса. Умереть? – Ничего нет проще. Но – легенда! В ней вся моя мощь. Легенда! Она нужна мне как кровь!..

ЛУИ. Буря стихла. Скоро утро. Ложитесь, сир.

НАПОЛЕОН. Камин опять не топлён. Нельзя ли достать дров?

ЛУИ. Не дают.

НАПОЛЕОН. И в долг не дают?

ЛУИ. Когда бы давали, так ведь... (Задувает свечу.)

НАПОЛЕОН. Я всё стерплю, жаль остальных. (Приподнимаясь, всматриваясь в зал.) Похоже, какой-то храм? – Великолепные руины – у священной маслины; рваные корни сплелись узлом лиан.

ЛУИ. Откуда, сир, мы ж на Святой Елене.

НАПОЛЕОН. Похоже, я единственный ценитель здешних красот: Ахерон, река скорби. Такого не увидишь, пока живешь. Души мёртвых, Марсово поле, храм Белонны в руинах.

ЛУИ. Белонны?

НАПОЛЕОН. Богини войны. Ступени истёрты ногами теней. Пришло в упадок загробное величие. Хмурое место. Шаткая вечность. Белая птица кружит: это ангел. Голос звенит. Морозно. И зябко смертному сердцу. – Туман спадает, душа в смятении: теней – как листьев на ветру осеннем в дикой чаще.

ЛУИ. Где?

НАПОЛЕОН. Там. Ну?.. Видишь?

ЛУИ. И да, и нет. - Туман.

НАПОЛЕОН. Туман, загробный властелин. Спрессованы – как слиты: из головы колено выплывает, из носа – ухо, из руки – рука. Стремятся оттолкнуться друг от друга – опора ненадежная – прозрачность. Борьба теней с туманом, с ветром, мраком, кто видел – смех ужасом застыл.

МОНТОЛОН (в сторону). О бог мой, - призрак!

ЛУИ. Сир, что это?

МОНТОЛОН (в сторону). Призрак. Объят огнём.

НАПОЛЕОН. Лицо темнее ночи, - чёрный вестник богов, – курьер с повеленьем судьбы: полчерепа снесло, фонтаном кровь, из глаз и рта, казалось, лился огонь. Крик мёртвого! – я слышал. – Подскакал и крикнул прям в лицо: «Старая гвардия разбита!» - И рухнул наземь.

ЛУИ. Да, храп коня, и кровь, сир, - клянусь, он крикнул мёртвым!

МОНТОЛОН (в сторону). Кружит в вихре, среди теней.

НАПОЛЕОН. Несёт к Провалу.

ЛУИ. Провал!

НАПОЛЕОН. Пасть времени.

ЛУИ. Как рана среди туч. Зарево молний, огромные смерчи.

Подземный гул – как стон.

НАПОЛЕОН. Глядеть в него не стоит – и не смею. Содрогание опустошает память, чувства, душу. - Пасть Времени! Ужасно сердцу не меньше, чем рассудку. Предания величавых времен – и те бесправны в этой бездне бездн, и сами боги шепчут там как дети, от страха, потерявшись в темноте. – Ты здесь?

ЛУИ. У ваших ног.

НАПОЛЕОН. Знаешь, Луи, среди холодной Вселенной жизнь представляется мне непостижимым чудом.

ЛУИ. Непостижимым! Особенно смерть.

НАПОЛЕОН. Особенно. Величайшее таинство. Мне противно моё честолюбие. Клянусь, я не хочу больше властвовать.

ЛУИ. Как же, сир?

НАПОЛЕОН. Клиссон стар и мудр. Я и без того наделал в мире шума. Спокойной ночи, Луи.

ЛУИ. Спокойной ночи, сир.

ЛУИ уходит по лестнице вверх. Часы на камине бьют три часа.

НАПОЛЕОН. Вот была бы досада не умереть и снова оказаться на престоле. Чем-то порадует сон.

МОНТОЛОН (в сторону). Да, я люблю его. Высокость мысли, осязание тайн, касаешься покров небытия. Если бы не змея, что свила гнездо в моём сердце!..

НАПОЛЕОН. Кто у шкафа? - Монтон, доброе, благородное сердце... Мёртвые поют.

МОНТОЛОН. Повинуюсь незримому судье, даю яд без всякого страха быть разоблачённым.

НАПОЛЕОН. Поют...

МОНТОЛОН. Ребёнком я молился за Иуду. Старая осина, молнии в ветвях - я перед нею, в бурю, на коленях, в слезах, и полон был такого сострадания!

НАПОЛЕОН. Владения рока. Неизъяснимая тайна.

МОНТОЛОН. Сир, вы слышите меня?

Молния, раскат грома.

НАПОЛЕОН. Друзья Харона, любимцы луны. Принадлежу вам больше, чем живым. Легионы мёртвых – в русском поле. И что не умер на другой день, заняв Москву? Холодно, холодно, холодно. Дай мамочкину шаль.

МОНТОЛОН. Укрыть вам плечи, сир?

НАПОЛЕОН. Какая низость: завтра годовщина коронации, а всю неделю дают одни бобы.

МОНТОЛОН. В этом вся Англия.

НАПОЛЕОН. Умереть от дряхлости, постыдной смертью. - Я раздавал позор и славу! Мюрат, Массена, Ней, рыжая бестия, Ней, – доблесть, приговорённая к казни, - одеты огнём, любили войну, как дети сладкое, – войну и славу. Львиная кровь, кровь богов. Для них было счастьем умереть на моих глазах. – Стон: бездна дышит. Священная маслина, сок, пламя ада, каплет сквозь кору, в мою ладонь.

Вкус жизни, вкус любви и вкус величия! –

Напиток смерти, нет его ценней

Здесь, в этом мире призрачных теней.

Последним вздохом стынет на губах –

Всё, чем велик по смерти стал мой прах.

Скорбь, ужас и смерть сумрачной тенью гордо всё здесь осеняет, и стонут просторы загробного мира.

МОНТОЛОН. Стонут, сир.

НАПОЛЕОН. Восторг и удивление пересилили мёртвые чувства: мои барабанщики! Трубачи! – Рвутся вперёд, мне навстречу: «Император!» Славные мальчуганы. Пали у Ватерлоо. Отважные сорванцы!

ТЕНИ МАРЕСКО и БАРАБАНИЩИКОВ Старой гвардии.

ТЕНИ. Император!

НАПОЛЕОН. Дети мои, сникший в прахе благородный огонь! С пикой в шее, в голове картечь, шрапнелью оторвана рука. Прострелены сердца, – сердца, которые никогда не знали страха; разрубленные надвое, сплеча, товар с прилавка мерзкого мясника. – Мареско?!

МАРЕСКО. Ваш стремянной, государь.

НАПОЛЕОН. Глаза в чёрном тумане. – Как ты умер, малыш?

МАРЕСКО. Упал раненым, из седла, во время атаки. Раздавлен лошадыми.

НАПОЛЕОН. «Я покажу тебе звезды в Ганге!», – бывало, так скажу, садясь в седло. - «Мы дойдём до Индии!» Как весело алели твои губы. В глазах тень улыбки, тень счастья, – счастье бесплотной тени. Целуешь мои руки, одежды, – так лишь дитя льнет к матери. Прозрачный, как весенний ручеек, мой стремянной Мареско!

МАРЕСКО. «Мы дойдём до Индии», – застывая, шептали, мои губы.

НАПОЛЕОН. «Мы дойдём!...» Безумные слёзы! Но если правда, и есть в моём имени некая сила, – ты слышишь? – я снова верну вас солнцу!

ТЕНИ. К солнцу!? К жизни! Жизнь! жизнь!

НАПОЛЕОН. Волнение сраженья! Мы снова упьёмся атакой! Радость победы!

ТЕНИ. Мы так хотим жить, сир, и любить! Жизнь, сир, жизнь! Вдыхать аромат цветов, петь и любить, и любить!..

МОНТОЛОН. Голоса! О, боже мой, - плывут в тумане...

НАПОЛЕОН. Гул обвала, далёкие зарницы... Революция, война, смерть! Нельзя прожить, не совершив хоть какого-нибудь подвига, нельзя не быть солдатом чести и славы. Нельзя не совершить великого, и не мечтать о недостижимом! Избыток величия, избыток славы!

ТЕНЬ МАРЕСКО. Но – рассветы, сир? Цветы на лугу, любовь, земная жизнь!?

НАПОЛЕОН. Жизнь?! Что жизнь?! – Её проживут за нас потомки: рок судил нам труд и силу бессмертья! – Ты плачешь? Нельзя, малыш, нельзя. Земным чувствам здесь быть не по чину. Вечность испытывает строго. Мои барабанщики, трубачи, отважные сорванцы! И

вновь стою пред вами, окровавленный Марс. Куда не обернусь – скорбь, ужас, и смерть сумрачной тенью своей здесь гордо все осеняет. И стонут речные просторы загробного мира.

Молнии, вой ветра. ТЕНИ уходят.

МОНТОЛОН. Этого не может быть...

НАПОЛЕОН. Мёртвые поют.

МОНТОЛОН. Нет-нет!..

НАПОЛЕОН. Вздогнули небо и бездна, и мрак отхлынул в испуге. –

МОНТОЛОН. Не может, я не могу это вынести!

НАПОЛЕОН. Марсельеза над водами Стикса, и Провал циклопическим оком глядит на нас с изумлением! Что нам загробное захоlustье! Я и в Аиде воздвигну новые судьбы, вдохну огонь в сердца мёртвых героев. Мы перейдем Стигийские болота, мы одолеем горящий Флегатон, мы снова выйдем к солнцу! Малыш, горящий Флегатон прекрасен! Такой переправы не видывал свет! За Флегатоном – солнце! Мы обошли землю – мы пройдем по Вселенной!

Тишина.

Кто плачет? Кто здесь?

МОНТОЛОН. Я, ваше величество, Монтолон.

НАПОЛЕОН. Киприани в гробу спит один спокойно.

МОНТОЛОН. Молния. Сейчас ударит гром.

НАПОЛЕОН. Убей, чего медлишь? Убей.

МОНТОЛОН. Убить? – Кого?

НАПОЛЕОН. Что в склянке?

МОНТОЛОН. Вода с флердоранжем.

НАПОЛЕОН. Смерть.

МОНТОЛОН. Смерть?

НАПОЛЕОН. Тонкий, божественный аромат. Смерть здесь, мой мальчик, будь начеку: убийца за спиной.

МОНТОЛОН. В доме – убийца?

НАПОЛЕОН. Умер за моим столом.

МОНТОЛОН. Но мы все преданы, мы любим вас, мы...

НАПОЛЕОН. Убийца Александра Великого тоже остался неизвестен. Насладимся покоем, дадим костям отдых. Тревожно: дух маркизы де Бринвийе бродит.

МОНТОЛОН. О сир, я... я был бы счастлив отдать вам свою жизнь.

НАПОЛЕОН. На что она мне? Вернись к жене, поцелуй детей. Оставь меня.

МОНТОЛОН. Спокойной ночи, ваше величество.

МОНТОЛОН уходит.

НАПОЛЕОН. Ветер в камине: уу-у! – Воеет: сзывает мёртвых.

Появляется ТЕНЬ КИПРИАНИ.

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Земной труд не кончен. Шхуна отплывёт с рассветом. Америка встретит тебя с воодушевлением.

НАПОЛЕОН. Сомнения, Джузеппе, сомнения.

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Они колеблют лишь слабые души, твой путь – война. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. Судьбе меня не вразумить, священное безумие: война зовет. Порядок мира тревожен: Наполеон в раздумье, но... Призыва рока никто не слышит. – Война!

ГУРГО, со свечой, затем АЛЬБИНА и МОНТОЛОН.

ГУРГО (ещё за сценой). Ваше величество! Ваше величество!

НАПОЛЕОН. Чёрт возьми, ну, что ещё?

ГУРГО. Только что умерла прачка и её дочь. Обе мертвы!

НАПОЛЕОН. Гурго, вы что, с ума сошли? Вы в своём уме?

ГУРГО. Меня разбудил повар, я побежал - застал в последних корчах, губы чёрные, в пене.

АЛЬБИНА. Не могу поверить.

ГУРГО. Обе! Я тут же к вам.

НАПОЛЕОН. Каспар, вы знаете, который час? Зачем вы пришли? Я что, держу здесь похоронное бюро?

ГУРГО. Но, ваше величество...

НАПОЛЕОН. Что?

ГУРГО. Но...

НАПОЛЕОН. Что из того? Три смерти в один день! Под моей крышей! Что из того?

ГУРГО. Они кричали, будто им выжигали нутро, точно как Киприани. Это яд!

АЛЬБИНА. Яд? Убийца - в доме? Шарль! В доме убийца.

МОНТОЛОН. Альбина!

АЛЬБИНА. Моя малютка... То был яд? Она кричала. Я не хочу здесь оставаться!

Молния, раскаты грома. Пауза.

НАПОЛЕОН. Мой дом превратился в обитель подозрений, неволи, жирных крыс и смерти. 14

ГУРГО. Кажется, и у меня... Чёрт, какой-то жар внутри. Лучше картечь, чем...

НАПОЛЕОН. Стыдись. Ни слова!.. Пусть их похоронят тихо и...

Входит ЛУИ, со шляпой НАПОЛЕОНА, губы дрожат.

ЛУИ. Там... Там...

ГУРГО. Что?

НАПОЛЕОН. Кто ещё умер, Луи?

ЛУИ. Умер? Нет. - Родила.

НАПОЛЕОН. Слава богу, хоть одна добрая весть. Буду крестным. Кого поздравить, кто – стряпуха?

ЛУИ. Крыса... ва-вашего величества.

НАПОЛЕОН. Что?

ЛУИ. Окотилась - в шляпе вашего величества. И семь крысят.

ГУРГО. В шляпе императора! Куда ты смотрел, негодяй!

НАПОЛЕОН. Ирония гоняется за мной по пятам. Я слишком долго живу, это становится неприличным.

ЛУИ. Старая шляпа. Мне нет прощения.

АЛЬБИНА. Луи, Манон и её мать...

ЛУИ. Милая, почтенная шляпа. Я её так любил...

НАПОЛЕОН. Да будь она проклята. Гурго, ты помнишь вкус пустыни?

ГУРГО. Песок и солнце, сир.

НАПОЛЕОН. И звездопады. Бери чернила: настроим души на высокий лад. Кто вспоминает – живёт дважды.

ГУРГО. В Египет?

НАПОЛЕОН. И всё к чёрту: эта ночь не для сна.

ЛУИ. Бедная шляпа, погибла так подло. Император был в ней в России.

НАПОЛЕОН. То ли теряли. Следовало остаться в Каире, стал бы императором всего Востока.

МОНТОЛОН. Есть и хорошая новость, сир, - хотел приберечь назавтра, но... Я говорил с американцами, - за столовое серебро с вашим вензелем и орлами они готовы дать большие деньги. А если поторговаться...

НАПОЛЕОН. Нет слов, чтобы выразить радость.

ГУРГО. Продавать серебро?!.

МОНТОЛОН. А что прикажете, – вашу саблю? У нас ни гроша.

ЛУИ. Простите меня, сир, не досмотрел. Простите меня.

НАПОЛЕОН. И ты меня прости, сынок. Я тоже недосмотрел – за Блюхером. Сколько юношеских сердец сожмётся, читая историю Ватерлоо.

АЛЬБИНА. А в Париже "Сивильский цирюльник". Так хочется в оперу. Говорят, Россини – какое-то пиршество.

НАПОЛЕОН. Непостижимо. – Скала... Всё, ради чего мы столько боролись и умирали, – скала! Скала среди океана, глотающего звёзды. Завещанная высота, любимый лавр в их венке.

ГУРГО. Если бы я мог умереть под эти слова от пули.

НАПОЛЕОН. Идём, Гурго, мёртвые ждут. Свети мне, Шарль. Раздвинем пределы славы ещё на одну главу.

НАПОЛЕОН, ГУРГО и МОНТОЛОН уходят в кабинет. Ураган продолжает свирепствовать. АЛЬБИНА с вуалью, кружится.

ЛУИ. Плен, обыски, бесчестье, смерть в позоре!.. Выше моих сил.

АЛЬБИНА. Плачет, в неопишемом горе. О, Луи, ты так красив. Не нужно плакать.

ЛУИ. Ах, мадам, неужели вы не понимаете: шляпа императора осквернена!

АЛЬБИНА. Ярость бури. Ад опустел, дьяволы все тут. Слезы и боль, а хочется любви. А милашка Манон...

ЛУИ. Как жить, не отомстив!.. О, месть!..

АЛЬБИНА. А твоя милашка Манон... Меня волнуют эти губы.

ЛУИ. Уйдите, уйдите!

АЛЬБИНА (шепчет). Твоя дочь, Луи, наша дочь, наша Наполеонна...

ЛУИ (так же шепотом). Ещё слово – я убью тебя!

АЛЬБИНА. Любви, ласки...

ЛУИ бьёт АЛЬБИНУ, она падает, хватается его руку, целует.

АЛЬБИНА. О властная, о царственная длань. Любить – как умереть, возможно только раз.

ЛУИ. Нет! Я предал императора. Нет!

АЛЬБИНА. Он стар, шатаются зубы, распухли лодыжки. Но - ты... в тебе, как в нём, корсиканская кровь. Любовь, Луи, - кровожадный демон.

ЛУИ. Ой, что вы делаете!

АЛЬБИНА. Его шпага, – кровью, – что – с ним, до конца, и убей, когда ему станет невыносимо. - Кровью!

ЛУИ. Я... Я клянусь тебе богом.

АЛЬБИНА. Течёт - по лезвию – огонь - корсиканская кровь. Не хуже Елены, не глупей Клеопатры, – просто любящая графиня Альбина.

В страстном поцелуе. НАПОЛЕОН на пороге, затем уходит.

АЛЬБИНА. Ты целовался с Анриеттой и с потаскушкой Манон.

ЛУИ. Что худого? Это сладко. Но... Ты что-то - о Манон?..

АЛЬБИНА. Коварство – тот же яд. О чём думали эти мерзавки, соблазняя тебя?

ЛУИ. Манон чиста, она ангел.

АЛЬБИНА. Губки почернели, в кровавой пене... Издохла. Она издохла.

ЛУИ. Манон? О нет. Пустите, пустите меня! (Убегает.)

АЛЬБИНА. Пылкий, глаза сверкают. А за окном воет и плачет, как брошенный в саду котёнок: демон смерти, кровожадная тварь. Убили мою малютку... Её чепчик... Мою малютку... Издохли. Ха-ха-ха.

Из кабинета выходит МОНТОЛОН, не замечает АЛЬБИНУ,
говорит невнятно.

МОНТОЛОН. Я не мог, нет... Старуха с моим перстнем... Нет-нет...

АЛЬБИНА. Шарль, ты опять бормочешь.

МОНТОЛОН. Любимая, желанная. Наконец, мы одни. Какая страшная ночь. Любимая, станем на колени, помолимся.

АЛЬБИНА. Полна нежности и сострадания. Люблю даже мужа. Я святая.

МОНТОЛОН. Молиться!

АЛЬБИНА. Танцевать! Ля-ля, ха-ха.

МОНТОЛОН. Умоляю. Зачем ты задула свечи? Нет же, эта вуаль для мёртвых.

АЛЬБИНА. Кружиться! Ля-ля-ля. (Покрывает МОНТОЛОНА длинной чёрной вуалью.)

МОНТОЛОН (шепчет). Каждую ночь мне снится... я подошёл, а он мёртвый: император в гробу. И свеча в руке. Мёртвый. Схватил за горло и душит.

АЛЬБИНА. Трагедия из греческих времён.

МОНТОЛОН. А я задыхаюсь, не могу вырваться...

АЛЬБИНА. Судьба обнесла тебя по всем пунктам. (Плюет ему в лицо. Уходит.) Ля-ля, ля-ля-ля...

МОНТОЛОН. Любимая, прости, постой, любимая?.. Сука. Мерзкая вуаль. Душно... Маркиза де Бринвилье, проклятая старуха!

(Входит МАРКИЗА ДЕ БРИНВИЛЬЕ, в саване, с петлёй на шее.)

МАРКИЗА. Гнилая, тлеющая душонка, ты хуже крысы. Ноздри трепещут от вождения, ненависть прожорлива. Яд – пламя зла, а перстень полон змей.

МОНТОЛОН. Вы моё безумие, я... я умоляю! Прочь, проклятая ведьма.

МАРКИЗА. Замути его кровь, улади душу убийством, будь кроток взором, угождай, неистовствуй!

МОНТОЛОН. Зачем ты родила меня, мамочка?

МАРКИЗА. Убийца императора.

МОНТОЛОН. Проклинаю своё рождение.

МАРКИЗА. Убийца императора. (Уходит.)

МОНТОЛОН. Самая любящая из матерей, будь ты проклята! Я сошёл с ума, я сошёл с ума... (С пистолетом, кладёт дуло в рот - осечка.)

СЦЕНА 4

Перед домом БЕЛКОМОВ. Раннее утро, крик чаек.

БЭЛКОМБ. Солнце едва взошло, а уж печёт; бури точно не бывало.

Г-ЖА БЭЛКОМБ (собирая корзину). Бетси поёт; вся светится от счастья; в новом платье, в новой шляпке; пирог сегодня получился чудесный. Я так рада угостить его величество.

БЭЛКОМБ. Я говорил с майором - удвоены караулы. Губернатор приказал продолжать поиски нападавших. Но военные оскорблены: ими командуют полицейские ищейки.

БЕТСИ (входит, целует отца и мать). Как я выгляжу?

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Какая ж ты у нас хорошенькая. Платье – китайский шёлк.

БЭЛКОМБ. На континенте стоит бешенные деньги. А? что это? Библия?

БЕТСИ. Шекспир: читаем "Гамлета". Бони – принц, а я – Офелия.

БЭЛКОМБ. Офелия! Ха-ха.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Не рано ль идешь, доченька?

БЭЛКОМБ. Императорам спать долго не положено, он давно уж на ногах. Я запряг пони, подкатишь к самому крыльцу своего принца. Ха-ха-ха.

БЕТСИ. Спасибо, папа, но не надо пони. Я буду собирать цветы и петь, а потом поболтаю с часовыми на холме.

БЭЛКОМБ. Тогда вот, - держи палку: много гадюк; змеи не спят, когда трясёт.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. А встретишь Гуффа - скажи, что велено ему идти домой.

БЕТСИ. Я и для него взяла кусочек пирога. Ах, бедняжку Киприани засыпали землёй, в могиле... Лицо в гробу было покрыто вуалью. А год назад в этот день он показывал фокусы, играли в жмурки, потом пели "Марсельезу", а Бони дирижировал. Было так весело! Танцевали, водили хоромы перед домом. А в день рождения я драла Бони за уши, и он визжал, как поросёнок.

БЭЛКОМБ. Поросёнок! (Визжит.) Ха-ха.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Никто бы не поверил, что этот человек – Наполеон. Смотри, не забывайся, помни: он император.

БЕТСИ. Ах, какое счастливое утро! (Уходя.) Я всегда это помню, всегда!

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Наша дочь влюбилась. И в кого... Матерь божья!

БЭЛКОМБ. М-да, хорошего мало.

Г-ЖА БЭЛКОМБ. Вот Гурго холост, благороден, - достанется дочке губернатора.

БЭЛКОМБ. Любовь, любовь! - Росинка, выпитая в жажду.

СЦЕНА 5

Раннее утро. У обрыва. Крик чаек, грохот прибоя.

МАРШАН, МОНТОЛОН и ГУРГО.

ЛУИ (входя). Генерал, её там нет. Надо искать в другом месте. Спустился, сколько мог. Волны режут – в преисподней не так страшно.

МОНТОЛОН. Луи, что там чернеет – в той стороне, под сосной, над обрывом, - пещера?

ЛУИ. Она и есть. В ней жил когда-то безумный астроном, Галлей. Император очень сожалел, что старик умер до нашего прибытия. Оттуда, над пропастью, тропа вела в Джорджтаун, но – обвал, тропы не стало. Тут искать бесполезно.

МОНТОЛОН. Следовало разбудить императора.

ГУРГО. Где она может быть?

ЛУИ. Взгляните, господа, что это? – Перекопана земля. Похоже, что...

ГУРГО. Да, могила. Они все здесь. В плен не взят ни один.

МОНТОЛОН. Месяц назад император мог обрести свободу.

ГУРГО. Они покрыли себя вечной славой, совершили невозможное.

МОНТОЛОН. Но император... Он стоял у окна, лицо - как камень, и слушал залпы орудий. Никогда не видел у него такого лица... Не нахожу себе места, точно я виноват. Он мог бежать!

ГУРГО. Идёмте. Надо предупредить маршала Бертрона.

ЛУИ. Маршал вряд ли поможет. У него открылась рана на бедре.

МОНТОЛОН. Потом я видел: император молился. Я не верил глазам. Пять раз он отклонял верную возможность, - даже когда английские офицеры, изменив присяге...

Скажите, Гурго, – что за мечта: сгореть в огне вулкана?

ГУРГО. Не нам судить. Это мечта цезарей.

МОНТОЛОН. Но, Гурго, послушайте! Это похоже на...

ГУРГО. Вы забываетесь! Остановитесь. И не смейте. Слышите?

МОНТОЛОН. Мы все безумны, все... На этом острове даже крысы... видят мёртвых.

ЛУИ. Наутро император послал меня - взглянуть на трупы. Они лежали на берегу. Губернатор Лоу обыскивал одежду. Мой брат, Луччано, - он лежал в шаге от меня. Пуля угодила ему сюда, в висок... Туман ползёт с вершины. А у Маннон... Мёртвая, но живот - похоже, был ребёнок. Мой ребёнок. Он шевелился, я видел: он бился в ней, не хотел умирать.

ГУРГО. Думаю, тебе не стоит быть на похоронах, Луи. Останься с императором.

МОНТОЛОН. Перышко чайки кружится, летит над бездной... пёрышко ангела. После смерти Наполеонны Альбина стала пить, забросила детей, и я ничего... я...

ЛУИ. С рождением Наполеонны дом будто ожил, сошло оцепенение, император так помолодел.

ГУРГО. Как бы то ни было, господа, в этот день мы не должны быть печальны. Император заснул счастливым: мы вновь прошли дорогой Моисея. Жаль, Монтолон, вы не видели Синая ночью: мироздание во всём величии. Армии был дан приказ остановиться и смотреть на звёзды. Только в юности мы смотрим на небо жадными глазами. Мне было пятнадцать лет, генерал был старше всех: в ту ночь ему исполнилось двадцать семь. Армия двадцатилетних шла покорять Индию.

МОНТОЛОН. Я бы завидовал вам, Гурго, если бы не Святая Елена. Здесь я вижу такие сны – действительность едва ли устоит. Летели вы хоть раз, – не зная времени, пронзая космос, - были вы огненной кометой? Я был, - летел вослед другой, и - чёрное пламя, как шлейф...

ГУРГО. Чёрное пламя? Клянусь, это прекрасный сон, Шарль.

ЛУИ. Иногда я тоже... странные сны.

ГУРГО. Вы правы. Судьба наградила нас сверх меры. Не говоря уже о чести разделить с императором изгнание. Туман ползёт, как снежная лавина. Идёмте же, господа.

МОНТОЛОН. Правда ли, Гурго, что в России император приказал вам убить его в случае угрозы пленения?

ГУРГО. Мы покидали Кремль, никто не знал, что нас ждёт. Да. Он приказал. Отступление, гибель Великой армии. Впрочем, при нём всегда был перстень, почти как ваш. Откуда он у вас?

МОНТОЛОН. И вы... могли бы? - могли бы убить императора?

ГУРГО. Вам не понять.

МОНТОЛОН. Чего, по-вашему, я не могу понять?

ГУРГО. Все мы, кто шёл за ним, – у нас иные представления.

МОНТОЛОН. О чём?

ГУРГО. О божестве: это долг подвига, граф. Луи, отправляйся к маршалу Бертрону, – я вижу, он во дворе. И не теряй нас из вида.

ЛУИ. Кажется, я буду не ко времени: маршал ругается с женой.

ГУРГО. Не хочу вдумываться, но... Эти три смерти, - есть ли объяснение?

ЛУИ. Трупы раздулись, в чёрных пятнах. – Что, если в доме змея?

МОНТОЛОН. Не думаю. Видны были бы раны от укуса.

ГУРГО. Что ж, не будем мешкать, осмотрим долину Герани. Быть может, она заблудилась и уснула. Вместе со слугами пройдем ложбиной... Монтолон! Отойдите от края! Вы с ума сошли? Отойдите!

МОНТОЛОН. Власть покоя. Летишь птицей. Отсюда до Парижа и в год не долететь. "Иные представления"? Чего мы ждём? на что надеемся? И что станет с императором, умри мы трое, Гурго?

ГУРГО. Держите себя в руках. Вечером бал у губернатора. Император настаивает, чтобы мы развлекались. И он прав. Луи, помаши Сен-Дени. Заодно проведем могилу Киприани. Сегодня у него появятся соседки, упокой их души. (Уходит.)

МОНТОЛОН. Бездна – дорога в ад, – и самая короткая из всех дорог.

ЛУИ. Я коснулся Манон, хотел поцеловать. - Окоченела... Ночью вы мне сказали о видении. Как это возможно?

МОНТОЛОН. Были сорваны печати, Луи. Я увидел. Да, я видел.

ЛУИ. Что?

МОНТОЛОН. Ночь. И старую осину, и вдруг - среди листвы... Неважно. Идёмте, Луи. Уходят.

СЦЕНА 6

Раннее утро. Крик чаек. НАПОЛЕОН в красном колпаке.

НАПОЛЕОН (ещё за сценой, звонит в колокольчик). Что за чёрт, во всём доме ни души, - я и два трупа, - в годовщину коронации... чёрт бы её взял.

(Готовит бритвенные принадлежности.)

Всё сделано, всё сказано. Океан объят дремотой. А жизнь играет, солнце блещет. Еду в открытой карете, мосты, набережные – всё ликует. Нотр-Дам, рокот органа, и папа римский возносит надо мной... Холод короны, грёзы давнишнего сна. Моя плешивая голова носила прекраснейшую из всех – французскую, и железную корону Италии, Южный Крест венчал меня ценнейшим из венцов – терновым. (Зовёт.) Луи?!. Чёрт, ночной горшок самому мне что ли выносить?

Звонит в колокольчик.

Любил войну, знал в ней толк. Ночи перед сражением. Жить на биваках, не дрогнув стоять под картечью; дробь барабанов, атака, бежишь вперёд, невольно бьется сердце. - "Вперёд!.." Странное счастье – умереть в бою.

Далёкий гул. НАПОЛЕОН в оцепенении. ТЕНИ МАРЕСКО и КИПРИАНИ.

ТЕНЬ МАРЕСКО. Мы ждём у грота.

НАПОЛЕОН. Другой давно бы спятил.

ТЕНЬ МАРЕСКО. У грота, у священной маслины. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. Америка стоит Индии.

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Я шёл тропой - путь чист. Сегодня ночью, или никогда. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. Довериться безумию? - "У грота"! - Поживёшь в лагере, поневоле начнёшь презирать жизнь. Жизнь. Теперь не то: слишком вяло живут и слишком не хотят умирать. Мистерия войны.

(Бьют часы на камине.)

Убийство за убийством. Трупы. Ни души. И не спешат поздравить. А, стоят за дверью и спорят, кто первым! (Зовёт.) Бертран, мой отважный рубака, эй, где ты, простофиля? – Бертран?!.

(Окно раскрывается, к его ногам падает венок из цветов.)

Венок - от английских солдат!.. Ловят взгляд, счастливы ответу, приближаются с благоговением. Благородные сердца.

(Надевает венок на голову.)

Ещё одна коронация, и без всякой помпы. (Пенит щёки, готовит лезвие.) У трона особый яд. Только оседлаешь, как тебя охватывает бред: никому не веришь и всех подозреваешь: вино власти! Просыпаюсь ночью, и... (На мгновение замирает.) Как вспомню, кем я был и кем стал – хуже нильских змей. В оправдание – как не признать? – блестящий путь по исторической клоаке. И всё же, чувство великого захирело. Александр объявил себя сыном Зевса – и все поверили. А сделай подобное я, - подняли бы на смех. В Египте я дышал полной грудью. – Тайны мира, среди песков – чудовище из камня. Куда смотрит? кого зовёт? Печать какого высокого ума. А на рассвете зардеет небосклон – милее жизни,

слаще любви – его голос - удивительный! завораживал Вселенную, входишь в транс: и тайное могущество, и... Нда. Есть о чём помолчать.

(Звонит – никто не является.)

Под окнами, в саду, – ждут. Открою дверь, и - «Да здоровствует император!» Пусть кричат. Не отказать же им в этой чести. – «Да здоровствует император!» – Этот клич потрясал всю Европу, приобрел силу легенды. – «Да здоровствует император!» – Был похож на заклинание. – «Да здра...» А тут во сне упал я с кровати, и как-то оказался под столом. – Проснулся – темно, и я решил, что похоронен заживо. Кричал до хрипоты, все всполошились. Ха-ха. Такой ужас. А стыд!.. Великое устарело. Печально. Печально...

(Подходит к портрету сына.)

Гляжу и очей не насытить. Мой сын.

(Замечает рядом, на камине, газету.)

«Таймс»? – Нельзя питаться скотской пищей. В твоём возрасте к чтению следует подходить, как прежде подходили к святому источнику. Читай достойное. – Корнель. - Движение сердец, чеканные фразы, герои прекрасны, а время бессильно. (Помедлив, кладёт вторую книгу.) Вергилий. - Настроит душу на высокий лад, полезно и никогда не бывает лишним. К тому же итальянец. Жаль, не встретились.

(Целует портрет и крестит и снова целует.)

На чело – холод и покой, и буду прост.

(Готовясь выйти, открывает двери в сад.)

Никого. Что за чёрт?.. А трупы, - что, неужели они в доме?

20

(С подозрной трубой.)

Кто там в моей шляпе? - Проклятье! Первым поздравило провидение. - Гуфф! Какая ирония - встретить двойника посреди океана. Местный идиот, первый из сумасшедших, возомнивший себя Наполеоном. А сходство – будь я проклят. Ха-ха. Как пить дать, подослан губернатором под мои окна. И стащил шляпу. Э, сколько на земле безумцев! Их столько.. - почти каждый.

(Всматриваясь.)

Не Бертран ли на дороге? Славный старик. Бежит поздравить. Ишь, прямо скачет, да вприпрыжку. Ты бы так летел на англичан у Ватерлоо, и надо же случиться геморроем. Где же остальные? Но что бы заставило его так бежать? – Только одно: во Франции опять революция! Ну, живей, окорок. Дьявол! у меня выпрыгнет сердце. Неужели революция? Почему, нет? Что ни говори, Европа без меня поблекла. Революция! Я в жизни так не волновался. Быть может, меня призывают обстоятельства, я снова нужен моему народу? Живей, трухлявый пенёк. – Революция!.. Выйду на крыльцо. Ну вот, упал, старый боров. Руина у храма Беллоны, ничего прежнего. Одна честность. И простодушие. Не считая геморроя. А я что могу? Поневоле станешь милосердным; а к прочим достоинствам прибавил терпение и снисходительность. И очень собой горжусь, будь я трижды проклят. (Громко.) Бертран! Почему вы так бледны, и чёрт возьми, где все в такую рань?.. Да, так и есть, я угадал, революция во Франции. Или в Англии. Что-что?..

(Входит БЕРТРАН, с палкой, хромот.)

Здравствуйте, Бертран! Что с вами? Почему вы так запыхались и в грязном платье?

БЕРТРАН. Плохие новости. Бежал. Едва дышу. Проклятая старость.

НАПОЛЕОН. Похоже, во Франции нет революции. Так, может, хоть в Англии?

БЕРТРАН. Ужасное несчастье.

НАПОЛЕОН. Ха! Что может быть хуже того, что со мной уже случилось?

БЕРТРАН. Может, ещё как: ночью сбежала Планшета.

НАПОЛЕОН(в сторону, разочарованно). И в Англии нету. И откуда ей там взяться? Разве эти лавочники способны на великое. (Наливает воды из кувшина.) Пей, старина. Говоришь, сбежала? Вот те на. А к кому она сбежала?

БЕРТРАН. А чёрт её знает. Наши – вон они, по склону рыщут. Всё обыскали. Ну, паскуда.

НАПОЛЕОН (в сторону). Ничего не понимаю. Какая ещё Планшета? Две смерти, а теперь ещё и... (Громко.) Вот это новость. Подобного у нас давненько... (В сторону) Мда. И десанта смельчаков нет, чтоб меня освободить. А я старый дурак. Какая-то Планшета. Дурак и идиот. Тьфу!.. (Вслух.) Сбежала, ха-ха, кто бы мог подумать. А, я знал заранее. Продувная бестия эта девка, огонь, ха-ха. С такой бы повозиться, а? Ха-ха. Ну, и кто олух?

БЕРТРАН. Олух?..

НАПОЛЕОН. Ну, да, олух. От кого сбежала эта чертовка?

БЕРТРАН. Чертовка?.. Ха-ха-ха.

НАПОЛЕОН. Ха-ха. Поднимем на смех. А что остаётся? – О, будет хохотать весь остров. Пусть знают и в Европе: французы никогда не унывают. Ха-ха.

БЕРТРАН. Ха-ха-ха... сбежала!

НАПОЛЕОН. Ха-ха-ха. От кого?

БЕРТРАН (сквозь смех). От тебя и сбежала.

НАПОЛЕОН. От меня? Ты что, сдурел? в своем уме?

БЕРТРАН. Ну да, твоя Планшета. Ха-ха-ха.

НАПОЛЕОН. Моя Планшета?

БЕРТРАН. Ха-ха-ха.

НАПОЛЕОН. Друг мой, это какое-то недоразу...

БЕРТРАН (продолжая разыгрывать НАПОЛЕОНА). Да ещё говорят, она брю-ха-ха-хатая. Простите, сир, не могу сдержаться.

НАПОЛЕОН. Что за кураж! Ну и что, что она брю?... Тьфу. И с этим ослом я шёл покорять Индию. Говорю тебе, я не знаю никакой Планшеты.

БЕРТРАН. На третьем месяце. Ха-ха-ха.

НАПОЛЕОН. На третьем?.. А я при чём? Что ты гогочешь!

БЕРТРАН. Ой, помру от смеха!

НАПОЛЕОН. Этого не доставало. Аж пот прошиб. О, интриган! Нечего сказать, поздравил. Да ты рехнулся, бедняга. Ещё одна жертва Ватерлоо. Возьми в толк: я слыхом не слыхивал ни о какой Планшете.

БЕРТРАН. Как же, такую стерву не вдруг забудешь, - кривая на один глаз, - она ж тебя чуть не убила.

НАПОЛЕОН. Кривая? Час от часу... Меня?

БЕРТРАН. Ну, да, когда ты шлёпнул её по заду - на лугу.

НАПОЛЕОН. Нет, похоже, это не Святая Елена. И я напрасно гордился своим терпением. Ну, старая сводня, погоди, вернусь в Париж... Тысяча чертей, на каком лугу, Бертран! Что за чёртова Планшета влезла в башку, старый осёл!

БЕРТРАН. Каурая, - твоя корова!

НАПОЛЕОН. Моя ко...

БЕРТРАН. Га-га-га!..

(НАПОЛЕОН обескуражен.)

НАПОЛЕОН. Как прекрасен Аякс в гневе против Зевса, решившего погубить его во тьме: "Если ты решил погубить меня, так сделай это при свете дня!" – Как это возвышает душу. Не верю, это не Святая Елена: я в сумасшедшем доме. – Моя корова! Даже Гуфф без коровы. До чего можно дожить. Следовало умереть в Москве; все лавры в моём венце

дышали свежестью. Моя ко!.. (Притворно.) Бертран! А не нужна ли моя помощь? Ну, может, стоит мне присоединиться к вашим поискам? – А что, поищем!

БЕРТРАН. От нас не уйдёт. Земля просохла. Разомнёмся, тебе полезно. Монтолон с людьми вдоль обрыва, а мы не спеша, знаешь, по-стариковски. Подыщу тебе палку.

НАПОЛЕОН. Палку?

БЕРТРАН. Отбиваться от собак. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. До чего можно дожить, не умерев вовремя: я даже подобрел, слишком долго не видя людей. Какое оскорбление, а негодяй дышит. Не будь я Наполеон, если тебе ещё придётся есть хлеб и мясо. Стилет?.. Шпагу?.. О, никудышный корсиканец! (Кричит.) Бертран!

БЕРТРАН (вбегает, встревожен). А? Что? Чего ты?

НАПОЛЕОН (помолчав). В кого мы превратились. Я хозяин гостиницы, а ты, маршал Франции, храбрейший из храбрых... Посмотреть на нас, как не порадоваться за Нея. Тот хоть и умер под французскими пулями, зато в здравом уме, ему не пришлось гоняться за какой-то там коровой посреди океана, на глазах у всего мира... - (Почти кричит.) который по сей час дрожит пред нами!.. (Сникнув.) Да что «мира» – на глазах потомков! Э-эх, «потомков»! - Вон, на глазах у Гуффа! Какая высокая ирония!

(Отдалённый гром. Насвистывает.)

Хорошая палка.

БЕРТРАН. Нда-а...

НАПОЛЕОН. А, верно, на лугу; и рог обломан. Там порт - как на ладони.

БЕРТРАН. Ну, отличная позиция.

НАПОЛЕОН. Пятью пушками я бы разнёс форт и дом губернатора.

БЕРТРАН. Роту б смельчаков да Мюрата на коне. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. А погода портится, быть снова буре. К чёрту иронию. Ты прав: корова-то моя. Моя единственная корова. Без меня не найдут. Как думаешь... - где ты там? - могли увести эту мадемуазель из политических соображений? Так сказать, политическая кража коровы... Эй?! Взял и ушёл... Эй, Бертран?

БЕРТРАН (входя). Тут я, куда я денусь.

НАПОЛЕОН. Помоги мне натянуть сапоги. Я говорю, кто бы увёл у меня эту...

БЕРТРАН. Англичане!

НАПОЛЕОН. Англичанин. Назвать имя? Мне ль не знать. – Ближе, – на ухо, – как пароль, осиновая башка: Веллингтон, чёрт бы его...

БЕРТРАН. Веллингтон? Неужели он на острове?

НАПОЛЕОН. Суди сам, что остаётся Веллингтону, как не украсть у Наполеона последнюю корову? Дорогу в город перекрыли? – Нет? Ты не лучше Груши.

БЕРТРАН. Бегу! Бегу!

НАПОЛЕОН. Постой же. Юмора ни на грош. Ты что, поверил?

БЕРТРАН. Сделал вид, сир, ха-ха.

НАПОЛЕОН. Ха-ха. Доставить приятное, в день коронации? Старый плут, ты меня провёл. (Отдалённый раскат грома.) Мой старый друг, слушай внимательно. Этой ночью... этой ночью я покину Лонгвуд. Под утро я приду в порт. Один. Не возражай. Но тише: в моём доме разговаривают даже мухи. И ни о чём не жалею: в эту ночь со мной надёжный проводник: моя звезда.

БЕРТРАН. Неужели ты рискнешь? Ты с ума сошёл.

НАПОЛЕОН. Смахни слёзы, старина, они погубят всё дело. Встретимся в Париже либо... Либо вообще не встретимся... А как у тебя дома, Бертран?

БЕРТРАН. Не спрашивай. У Гортензии желтуха, а Фанни... То поёт, то... Утром посуду била. Не жизнь, а... Ватерлоо. И что ни день, то Ватерлоо.

Некоторое время молчат. БЕРТРАН уходит.

СЦЕНА 7

НАПОЛЕОН. Ватерлоо... Я мечтал, вулкан станет моей гробницей – судьба решила иначе. Америка стоит Индии!

Перед глобусом.

В Европе балы, Европа танцует. Раз-два-три... Боевая лошадь, сбросившая своего властелина. Раз-два... Но ей страшно: властелин полон мощи. – Марсельеза в Америке! Я поверну кормило истории. Мы будем прекрасны, образ мыслей благороден, души чисты. Мы минуем рифы позора и бесславия. «Я верну жизни её античное достоинство!» – крикну я, садясь в седло!

Шёпотом.

Девочка моя. Жена. Душа моя. Увижу ли? Мне снилось... Нет, не могу. Нет, не скажу. Будто в тот самый день, как я умру, Луиза, ты родишь сына своему любовнику. Гром. – Небо не дремлет: буря близко. Мой рыжий Ней!

Появляется ТЕНЬ НЕЯ.

ТЕНЬ НЕЯ. В полночь Гвардия перейдёт Ахерон.

НАПОЛЕОН. В полночь. Но – как дойду? Волнуюсь, – уж не молод.

ТЕНЬ НЕЯ. Твои мальчуганы, твои сорванцы проведут тебя сквозь обвалы и ураганный ветер, над всеми безднами смерти. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. Армия на марше. Так легко собраться в дорогу, – ничего лишнего: только имя. Пам-пам-пам-раз-два-три, пам-пам...

Стук в дверь.

Свернулась комочком, глаза полны ужаса: «Милый! Где ты?» А я... Я был ветром за её окном, – трещали ветви, я в ярости гнул старые дубы, она чувствовала: я здесь. Я ветер за твоим окном!.. Шембрунский замок, где мы были так счастливы – я, она и наш мальчик. – Требуется, угрожает, оскорбляет её, говорит: «Открой дверь, сучка!» – моей жене! Кому еще по силам эта кара!

Входят ЛУИЗА и КАМЕРИСТКА.

КАМЕРИСТКА. Надо открыть, моя госпожа. Граф Нейперг сердится, не заставляйте его быть суровым.

ЛУИЗА. Не смейте меня касаться!

КАМЕРИСТКА. Ваше высочество!

НАПОЛЕОН. О небо!..

НЕЙПЕРГ за дверью: «Открой немедленно! Ты пожалеешь! (Стук в дверь.) Ты сильно пожалеешь!»

КАМЕРИСТКА. Граф потерял голову, он может подумать, вы безразличны к его достоинствам.

НАПОЛЕОН. Моя бедная... Луиза, Луиза, Луиза!..

Стук в дверь. ЛУИЗА убегает.

КАМЕРИСТКА (уходя). Я думаю только о вас, моя госпожа. Взгляните на подарки!

НАПОЛЕОН. Стучит. Стучит как хозяин в доме. Стучит как пьяный к какой-нибудь потаскухе. – Всё видел через окно. Боялся: вдруг у неё кинжал под платьем или яд. Увы, ты слишком слаба. Нет-нет, я бы не хотел, чтобы она умерла. «Я тоже в плену», – глядя в тёмное окно, так сказала... Лу, я здесь, Луиза, прости меня!

Входит ЛУИЗА.

ЛУИЗА. Мой возлюбленный супруг. Из твоей жены сделали наложницу.

НАПОЛЕОН. Не-ет!.. Моя бедная! Луиза, Луиза, Луиза!..

ЛУИЗА. Мой бедный, мой милый... мечтаю, жду... спаси меня, Napoli!..

НАПОЛЕОН. О, лунное видение! В моих объятиях!

ЛУИЗА. Мы бежали из Парижа всю ночь. Я чуть не умерла от горя и позора. Карета едва не перевернулась, сын плакал. Мой отец из ненависти к тебе утратил всякую любовь ко мне.

НАПОЛЕОН (шёпотом). Луиза... Прости... Лу! Девочка моя!

Стук в дверь. НЕЙПЕРГ за сценой: "Луиза, я настаиваю!"

ЛУИЗА. Проклинаю свою жизнь. Если жив - чего ты ждёшь?

КАМЕРИСТКА (входит). Ваш муж умер от лихорадки, его проклинали со всех амвонов, его больше нет, он никогда к вам не вернётся! Никогда!

ЛУИЗА. Почему тебя нет, почему ты не вернёшься и не победишь снова! Почему?..

НАПОЛЕОН. Вернётся? Но - вулкан, остров, легенда!..

НЕЙПЕРГ за сценой: "Я настаиваю, чтобы вы мне открыли!"

ЛУИЗА. Так иди же, открой дверь, отдай ему свою жену!

КАМЕРИСТКА. Благоразумие, где ваше благоразумие?

НАПОЛЕОН. Но - легенда?!

ЛУИЗА. Оставайся там, умри, всеми забытый, и не возвращайся никогда!

НАПОЛЕОН. Легенда!..

НЕЙПЕРГ за сценой: Луиза, за что вы меня терзаете? Я люблю вас! Откройте мне дверь!

КАМЕРИСТКА. Я открою графу ради вашего же блага.

НАПОЛЕОН. Легенда!..

ЛУИЗА. Ты так любил нашего сына!

НАПОЛЕОН. Легенда!

КАМЕРИСТКА уводит ЛУИЗУ.

НАПОЛЕОН. Луиза... Девочка моя... Будто она не императорская дочь, и будто не она носила самую блистательную из корон! За тысячи миль от Вены – её голос, – моей малютки. Самая несчастная жертва моего честолюбия. Почему я не принял мирных предложений после русской компании, почему! Я был бы в Тюильри, рядом с сыном, и счастлив, а мои подвалы набиты золотом. Но – как!? – «империя в границах Франции»? – Короли Европы – они рождены на троне. Они возвращаются побеждёнными в свои столицы – им хоть бы что. А я солдат, мне нужна честь и слава. Показать униженным перед своим народом? Я должен был оставаться великим, славным, возбуждающим восхищение. (Кричит.) Всё или ничего!

Стук в дверь.

БЕТСИ (заглядывает в дверь). Мсье император? А это я.

НАПОЛЕОН. Кинжал, – но ей страшно убить себя.

БЕТСИ. Встречайте же, что же вы не встречаете? Взгляните на цветы!

НАПОЛЕОН. Перед ним – в слезах, на коленях, – императрица полумира и жена Наполеона!

БЕТСИ. Или мы не в Эльсиноре, и я уж не Офелия, а вы не принц?

НАПОЛЕОН. Шембрунский замок...

БЕТСИ. А на мне новое платье, а на пальчике колечко, – правда, совсем как обручальное? А вот вам и кусочек пирога.

НАПОЛЕОН. Дорогое дитя, я погубил наше счастье. Мои действия назовут сумасбродными. Люди судят по прошествии событий. Я отдал союзникам Париж.

БЕТСИ. Зачем же? Как не осмотрительно!

НАПОЛЕОН. Я владел всеми мостами – здесь, здесь и здесь. Я мог обойти их с тыла и отрезать пути к отступлению. У них оставалось провизии на сутки. Я сбросил бы в Рейн все, что выйдет из Парижа. Всё!

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ (входит). Париж!

НАПОЛЕОН. Всё!

БЕТСИ. Париж!

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. В руках врагов.

НАПОЛЕОН. О! Всё могло измениться в несколько часов. Какое удовлетворение, какая слава! Предательство Мармона сделало невозможным эту великолепную развязку.

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Твою славу обокрали.

НАПОЛЕОН. Вырваны лучшие страницы.

БЕТСИ. Как дурно поступил тот господин.

НАПОЛЕОН. С юности был моим другом - предал, сдал треть армии. А мой сын...

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. В руках врагов. Бегал по дворцу, его не могли поймать: "Не надо уезжать, мой папа победит, я буду ждать своего папу! Мой папа император!"

БЕТСИ. Росинки на цветах – как детские слёзки.

НАПОЛЕОН. Курьёзный на вид старик.

БЕТСИ. Ну, остались без трона – что за беда?

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Да здравствует император!

НАПОЛЕОН. О, Жозефина!

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Что были наши ночи. Наедине со звёздами, цветами, ласковым ветром и шорохом трав. Пам-пам-пам...

БЕТСИ. Зато теперь у вас есть океан и все звёзды на небе тоже ваши.

НАПОЛЕОН. Всё бы ничего, Бетси, всё бы ничего - Луиза, моя жена, забыла меня, она...

БЕТСИ. Ловит всякую весточку, мечтает, боготворит, – вот вы снова явитесь под Веной, как прежде, во главе армии, она ждёт вас, она...

НАПОЛЕОН. Слава не отступит в скорби!

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Да здравствует император! Раз-два-три...

БЕТСИ. Слёзы императора...

НАПОЛЕОН. Бедствие – пробный камень доблести, Бетси, а доблесть прекрасна в любой день. И упрекала так мягко: "Ты отправился в Россию, ты повёл за собой всю Европу. Куда проще было взять дары и отправиться в Индию с миром." И она права. И в этом столько сердца. – Безумие завоеваний!

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Да здравствует император! Раз-два-три...

НАПОЛЕОН. Скала, завещанная высота, – мой эпилог, не доставшийся покуда никому. Мою жизнь растащат по дням, правды не скажет никто. Успеха добьется тот, кто расскажет сказку.

БЕТСИ. О чём?

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Жил мальчик, на красивом острове, среди моря. Он любил смотреть на звёзды. Народ водрузил на его голову императорскую корону, и он объединил под своею властью множество народов. Но оставив ту, которую любил, он... он женился на принцессе, дочери другого императора, своего врага, чудной девушке. И она родила ему прелестного сына...

НАПОЛЕОН. Её отдали в наложницы, сын носит другое имя.

БЕТСИ. Да здравствует император!

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. Пам-пам-пам...

НАПОЛЕОН. Рассудок мрачнеет, – павшая крепость: грёзы подняли стяг. Раз-два...

БЕТСИ. Трам-там-там... Прелестно! Восхитительно! Ха-ха-ха! Кружитесь, мой принц!
 НАПОЛЕОН. Раз-два-три... Подскакал и крикнул, прям в лицо, и упал замертво. Дюрок, сообщите, когда войска будут проходить мимо дворца, я выйду на балкон.
 БЕТСИ. Раз-два-три. Кружитесь же, кружитесь!
 НАПОЛЕОН. Увижу Ниагару, водопад. – "Маска в чёрном домино, стыдитесь плакать! Мне мало видеть кончик вашего шмыгающего носа."
 ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ (уходя). Пам-пам-пам, пам-пам-пам...
 НАПОЛЕОН. Кружевная колыбель? – Для маленького короля, моего сына. Где? Ну, разумеется на вершине Юпитера, в отверстии скалы, как гнездо орла. – Раз-два... (Внезапно останавливается.) На караул! Старая гвардия перед дворцом! Моя Старая гва!..
 БЕТСИ (кричит). Пала!..

Отдалённый раскат грома. Немая сцена.

НАПОЛЕОН. Помню. - У Ватерлоо. Но вы это так сказали... точно хотели сделать мне больно.

Лежит на побережье троянском,

Срублена с плеч, голова и лежит безымянное тело...

Подумать только, старику Приаму отрубили голову. А когда я был императором Запада, сорок монархов Европы, мои вассалы, стояли предо мной с непокрытыми головами. Один я был в шляпе, – в той, что досталась Гуффу. Короли раболепствовали, толковали о моей божественной природе и высшей миссии. Империя и всё созданное мной представлялось несокрушимым и вечным.

БЕТСИ. Что же случилось?

НАПОЛЕОН. Фортуна сменила адрес, впереди была Россия.

БЕТСИ. Где вечный мрак и холод А ещё там течёт...

НАПОЛЕОН. Ахерон. Да, Бэтси, Ахерон течёт в России. Я завоевал её, Бетси, но стихия, более могучая, поглотила всю мою армию. Человеческое сердце! Полмира я завоевал и утратил. А этой ночью увели у меня корову.

БЕТСИ. Как?

НАПОЛЕОН. Так. И, казалось бы, ну чёрт с ней – корова! – не то теряли. Ан, нет. – Ведь мне до смерти жалко моей императорской коровы!

НАПОЛЕОН и БЕТСИ смеются. Гудит гром.

Входят ГУРГО, затем МОНТОЛОН.

ГУРГО (ещё за сценой). Ваше величество! Ваше величество!

НАПОЛЕОН. Ну, что? казаки? Блюхер? Что? Корова упала со скалы?

ГУРГО. Ваше величество! Мы были в долине...

НАПОЛЕОН. Ну, нашёл?

ГУРГО. Да... то есть... Могила пуста!

НАПОЛЕОН. Какая могила?

ГУРГО. Могила Киприани выпотрошили Гроба нет!

МОНТОЛОН. И коровы нет.

НАПОЛЕОН. Подробнее.

ГУРГО. Ни малейших следов. Всё смыла буря.

НАПОЛЕОН. Монтолон?

МОНТОЛОН. Сир, мы осмотрели всё. Исчез! Гроба нет.

НАПОЛЕОН. Сообщили офицеру охраны?

ГУРГО. Да, сир.

МОНТОЛОН. Прошлой ночью... Я слышал, я... Я видел его!

ГУРГО. Кого?

МОНТОЛОН. Киприани. То есть, призрак, - вот как мы с вами.

ГУРГО. Да вы рехнулись.

МОНТОЛОН. Но я видел! Сир, я окаменел!

НАПОЛЕОН. Ха-ха. Сынок, тебе бы мои сны.

МОНТОЛОН. И... он говорил со мной. Сир, вы не верите?

НАПОЛЕОН. Почему ж не верю? Верю. Он и при жизни был болтлив.

ГУРГО. Монтолон, вы определенно спятили.

МОНТОЛОН. Да, но он... он мне сказал...

Входит АЛЬБИНА, после сна.

АЛЬБИНА. Доброе утро, ваше величество. Что случилось?

МОНТОЛОН. Не волнуйся, но... Киприани нет в могиле.

АЛЬБИНА. В могиле – нет? Ну и что, придёт... То есть...?

ГУРГО. Могила пуста.

АЛЬБИНА. А...?

НАПОЛЕОН. Сбежал. Какая расторопность: вместе с гробом, на корове. Вы удивлены, мадам? А я нет: корсиканцы все плуты. Вы как погонщики скота. Приведите себя в порядок, и после похорон отправляйтесь к Лоу, всучите мой протест сукиному сыну. Впрочем, полагаю, он явится: заманить меня на свой прелестный бал. Чтобы отравить.

ГУРГО и МОНТОЛОН уходят.

АЛЬБИНА. Как поживаете, Бетси?

БЕТСИ. Доброе утро, мадам.

АЛЬБИНА. Я ничего не поняла, сир. Киприани?..

НАПОЛЕОН. Оставил вас без сливок, негодяй.

АЛЬБИНА (примеряет венки). Остров чудес. Гроб, корова, всю ночь буря. Кошмар. Мертвецы выходят из могил...

БЕТСИ. Но если его нет в могиле, - что будет с ним при втором пришествии?

НАПОЛЕОН. Выкрутится, ему не в первый раз.

АЛЬБИНА. Милая Бетси, вы точно фея Святой Елены. Завитушки, профиль, брови. – Достойно удивления, не правда ли, ваше величество?

БЕТСИ. Не вздумайте смяться надо мной.

АЛЬБИНА. Вокруг моего замка обширные поля. Лютики, череда... Аромат юности. Рядом с императором вы удивительно похожи на...

БЕТСИ. Я сама по себе. И на кого же?

АЛЬБИНА. ...на императрицу Луизу. Но только когда вы рядом.

БЕТСИ. Этот пирог не вам.

АЛЬБИНА. А ещё император обожал колокола. Бомм. Ха-ха. Бомм. Какой удивительный остров. Сколько чудес. Время? – потеряло смысл: на циферблате Южный крест. Жизнь не похожа на жизнь, смерть кажется чудом. – Остров! – И вечность омывает берега. Бомм. Сны Святой Елены тревожат мёртвых, но – сердце? Любит. Остров теней, где покой – единственная неизбежность. А достоверность? – лишь волнение сердца. Ах, милая Бетси. Я, вы... Бомм! – Один из вечных снов мира – благодаря солнцу. И любим его – сколько вытерпит сердце. Бомм. С вашего позволения, сир. (Уходит.)

БЕТСИ. Неужели так все изъясняются в ваших дворцах? Бом-бом-бом. Цветы смяла, пирог съела. Я тоже обожаю колокола. Бом!

НАПОЛЕОН. Э, что колокола, Бетси! Если бы ты знала, как шумят знамёна после победы! Миленькое платье. Сегодня бал у Лоу, кого бы нам очаровать?

БЕТСИ. Послушайте...

НАПОЛЕОН. Почему бы не обратить внимание на Гурго? Храбрец, он двадцать лет при мне, был в тридцати сражениях, мужчина хоть куда.

БЕТСИ. Впервые я увидела вас на огромной чёрной лошади. Она несла вас по аллее к нашему дому. Вас нетрудно узнать: вы были полны достоинства и величия. Английских детей с детства приучали бояться вас. Помню свой ужас и восхищение. Я дрожала. А лошадь неслась, кусала удила, скидывала голову, будто гордясь своим седоком. Я пришла открыть вам, почему вы проиграли Ватерлоо, мсье.

НАПОЛЕОН. Ты прочла в газете?

БЕТСИ. Когда вас отправили на Эльбу, я очень страдала.

НАПОЛЕОН. Напрасно, - цветущий островок, вдали – берега Корсики. Держава Санчо Пансы, но я дышал воздухом родины.

БЕТСИ. Я не жалела вас: мне хотелось, чтобы вас отправили к нам, сюда.

НАПОЛЕОН. На Святую Елену?

БЕТСИ. А когда вы вернулись на трон, я всеми ночами молилась, - молилась вулкану, океану, звёздам, бурям. И ждала, ждала, ждала! Смеётесь? Но вы же здесь! Я поклянусь, хотите?

НАПОЛЕОН. Она молилась. Проиграть выигранное сражение только потому, что... Заклятия любви. Почему бы, нет. Непостижимо.

БЕТСИ. Не верите? Я ухожу. Прощайте, грозный император.

НАПОЛЕОН. Постой. Вот Библия, открой наугад. Читай, что там? Читай.

БЕТСИ. "Любовь, что сильна как смерть..."

НАПОЛЕОН. Покажи. "Любовь, что сильна..." Любовь... Да ты... О, Бетси!

БЕТСИ. Неужели любовь значит меньше ваших пушек и ваших армий? Любовь, сир! Любовь! Я... я люблю вас, ваше величество.

НАПОЛЕОН. И в решающий момент твоя любовь легла на чашу весов. Мама мия. Бетси, ты просто ведьма. Ха-ха-ха. Любовь!

БЕТСИ. Да! Да! Да! (В слезах, хватая шпагу и делает несколько выпадов.) О, я проучу вас смеяться над любовью! Я пленила императора, но он не любит меня! Я знаю, для чего вы проиграли сражение: чтобы приплыть сюда и разбить моё сердце. Пузатый, лысый, что мне в вас? Ешьте свой пирог, воюйте с крысами! Вы не любите меня.

НАПОЛЕОН. Постойте, маленькая простушка, постойте! Бетси! Помиримся. И... Ну, хорошо. Вот вам на прощание отцовский поцелуй.

БЕТСИ подходит и целует НАПОЛЕОНА в губы.

БЕТСИ. Этого мгновения... до самой смерти, до самой смерти. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. Сколько трудов, чтобы получить от судьбы Южный Крест и в придачу любовь такой девочки. Какая компенсация! Я нигде не в убытке. И чёрт с ним – с Ватерлоо!

Входит ЛУИ с подносом.

ЛУИ. Кофе, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Луи, я чую запах мяса?

ЛУИ. На обед жаркое и подливки! Мясник, китаец Ли...

НАПОЛЕОН. Не вхожу в подробности твоего плутовства. Открой окна, дай насладиться видом океана и этим божественным воздухом. Жизнь. Мой дом безнадежно превращается в отель. Камердинер влюбился в дочь аптекаря, адъютант, храбрец Гурго, – в дочь моего тюремщика, повар завёл интрижку в порту. Все хороши, включая меня самого.

ЛУИ. Сир, я еще никогда не любил по-настоящему.

НАПОЛЕОН. Дай-ка подзорную трубу.

ЛУИ. А тут... Манон умерла. На душе...

НАПОЛЕОН. Эскадра на рейде...

ЛУИ. И я подумал... дочь аптекаря...

НАПОЛЕОН. Он прошёл. Путь чист.

ЛУИ. Она нежная. Я с ней три года. Ласковая.

НАПОЛЕОН. После бала офицеры вернутся на корабль за полночь, и порт опустеет.

ЛУИ. Любить так прекрасно.

НАПОЛЕОН. С восходом поднимется туман и скроет остров.

ЛУИ. У неё от меня ребенок. Ему год. Какой малыш!

НАПОЛЕОН. Океан спокоен, но... мёртвые торопят. Уверен, твоя избранница чудная девушка. Тут и суровое сердце выкинет белый флаг. Но семья бедного аптекаря не для тебя.

ЛУИ. Малыш такой славный, я так люблю его.

НАПОЛЕОН. Жаль, не могу быть крёстным. Колье, что я велел тебе спрятать – его носила императрица. Последнее, чем я располагаю. Когда умру...

ЛУИ. О нет, сир!

НАПОЛЕОН. Эта особа не для тебя. Запрещаю и думать жениться на ней. Ты должен жениться благородно. Я дарю тебе титул графа. Когда я умру, вернёшься во Францию, купишь поместье в Бургундии, рядом с замком Монтолона. С тобой сочтут за честь породниться лучшие рода Франции. Ты доживёшь до глубокой старости, и умрёшь счастливым человеком, в окружении внуков и правнуков. Луи?

ЛУИ. Но... Да, ваше величество.

НАПОЛЕОН. Вот с такой же палкой я шёл от Канн до Гренобля. Потом в карете до Парижа. В Тюильри меня внесли на руках. Посох странника на путях в неизвестное.

ЛУИ уходит. НАПОЛЕОН напевает.

"Я буду молча сетовать на горькую судьбу свою..."

СЦЕНА 8

Входит АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА. Ваше величество, простите, я ещё не поздравила вас с днём коронации.

НАПОЛЕОН. Я прожил лёгкую жизнь, предоставив судьбе все заботы о будущем. И даже платя по счёту, касаюсь звёзд и окружён любовью.

АЛЬБИНА. С днём коронации, ваше величество!

НАПОЛЕОН. Наши судьбы - в снах. В ночь перед коронацией я видел сон, будто я мыкаю нужду: сидел нищим перед Нотр-Дам.

АЛЬБИНА. Вы обречены кормить сочинителей во все века.

НАПОЛЕОН. Литературная вошь поправит на мне свои дела. Благодарю вас, графиня.

АЛЬБИНА. Маркитантка в солдатском обозе. Быть солдатской женой, любить, ждать, мечтать! О, сир! Ваша слава безмерна. В сравнении с нею – что свобода!

НАПОЛЕОН. Неправда. Свобода дороже. Прибыв на Эльбу, я велел выбить на фронтоном...

АЛЬБИНА. «Наполеон всюду счастлив!» «Non cecidit animus!» - "Дух не ослабел."

НАПОЛЕОН. Вы знаете?

АЛЬБИНА. О, сир! Европа знала об этом едва ли не прежде, чем были кончены работы. Могла ли я предполагать, что счастье ждёт меня на острове. Пульс океана, дыхание звёзд. Здесь я узнала, что самое ценное счастье – горького вкуса.

НАПОЛЕОН (шёпотом). В этом медальоне два локон – моего сына и её, - Наполеонны. Никогда ещё я не испытывал таких нежных чувств, как к этому маленькому существу...

АЛЬБИНА. Не могу сдерживать слёз. Скорблю и горжусь, оплакиваю и благословляю. Я молюсь о вашем сыне каждое утро, и каждый вечер, всякий час и минуту – когда бы я не оплакивала...

НАПОЛЕОН. Нашу дочь.

АЛЬБИНА. О, сир!

НАПОЛЕОН. Я видел ужасы войны. Но никогда до того дня... Страдания ребёнка! Знал ли я несчастье прежде? - Нет. Прекраснейшее из всех детей мира, моя дочь, умирала в

этой жалкой лачуге, и... мёртвое тельце на моих руках. Я не предполагал в себе чувств такого безмерного горя.

АЛЬБИНА. О, сир!

НАПОЛЕОН. Рождённая на вершине вулкана, какую жизнь она могла прожить? Океан катит воды и крушит валы о скалы, народы проливают кровь, и время топит нас в пучине забвения. Вечный сон под говор волн казался мне когда-то недостижимой мечтой.

АЛЬБИНА. Но там – там никто не утешит вас так, как она. Помню 20 марта, рождение вашего сына. Толпы парижан стекались к Тюильри.

НАПОЛЕОН. При орудийных залпах я вышел на балкон, - буря ликования. Моё счастье было полным.

АЛЬБИНА. Таким же, полным счастья, я видела вас с нашей малюткой – здесь. Клянусь, вы были прекрасней, чем у Гро.

НАПОЛЕОН. Гро – мошенник. Ну да, я бросился со знаменем, бегу в пороховом дыму, ни черта не видно, мне дали в ухо, и я - через перила, головой вниз. Воды нет, одна грязь. Я едва не утоп, барахтаясь со свиньями, которые визжали громче, чем я орал: «Спасите, сукины дети! Ваш генерал тонет!»

АЛЬБИНА. Неужели?

НАПОЛЕОН. Так и было. Если бы не два гренадёра... (Стук в дверь.) Входите.

Входят ГУРГО и МОНТОЛОН.

МОНТОЛОН. Ваше величество, слуги во дворе. Я приказал поставить гробы перед домом, всё готово к мессе.

ГУРГО. Священник Вильяни с ночи пьян, валится с ног.

НАПОЛЕОН. Скотина. Он должен освятить могилу. Идёмте, Гурго, подбодрим слуг.

НАПОЛЕОН и ГУРГО уходят.

СЦЕНА 9

АЛЬБИНА и МОНТОЛОН.

МОНТОЛОН. Смотреть на мёртвых из окна – плохая примета... В этом мерзком хлеву, Альбина. Взгляни на меня как прежде, прошу тебя.

АЛЬБИНА. Дом пустеет, у нас всё меньше слуг. Гробы ставят на повозки. Как он велик в своей благородной невозмутимости. Сколько могущества в смирении. И всё же на лице тень смерти, Шарль, – тень смерти.

МОНТОЛОН. Не замечал. Он полон сил. Не узнаю твой голос, твоих глаз. Прежде ты никогда...

АЛЬБИНА. Есть только остров, и ничего прежде.

МОНТОЛОН. Но мы молоды. А как же наша жизнь? А наши дети?

АЛЬБИНА. Чайки кружат. Ночами отупение и ужас. Мрак полон призраков, скала – их бастион. Неужели ты не горд счастьем быть рядом с ним... и с ними?

МОНТОЛОН. Я... Я не знаю. Когда он дремлет, я оттираю его потное лицо, принимает ванну – подливаю горячую воду; иногда подстригаю ногти на ногах, иногда брею. Терплю его брюзжание, придирки, стараюсь быть занятым. «Да здравствует император.» Я помню этот крик, – десятки тысяч глоток – до неба, сливались в грозном вопле. Да, разумеется, я счастлив... Ночами прислушиваюсь, жду: вдруг позовет, станет рассказывать свою жизнь. Я слушаю, ловлю на себе его дыхание, – как разговоры мёртвых.

АЛЬБИНА. Император...

МОНТОЛОН. Идёт на верх - его шаги по лестнице, скрип половиц; заглядывает в комнаты слуг, шепчет: "Ифигения," – в шуме ветра, – "Ифигения..." А в бурю читает нам Корнеля. А за окном божественно-тёмная ночь, грозное дыхание ветра и гул океана. Его величие в прошлом. Его жизнь кончена, надежды нет.

АЛЬБИНА. Как нет Альбины, баронессы Семонвиль, которая так любила эти выющиеся бакенбарды, мой Шарль.

МОНТОЛОН. Твой отец близок к королю, он ненавидит Наполеона. Одно твоё слово...

АЛЬБИНА. А могила? А моя девочка? Он посадил дерево, он обещал...

МОНТОЛОН. Любимая, Альбина, неужели ты...

АЛЬБИНА. ...смотреть за могилкой...

МОНТОЛОН. Очнись, очнись!

АЛЬБИНА. ...умрёт и ляжет рядом, – обездоленный, смертный полубог, – с нею рядом. О, я познала могущество любви, я обрела здесь древние инстинкты – любви и жгучей нежности.

МОНТОЛОН. Шлюха!

АЛЬБИНА. Я мечтала, я хотела утешить, залить любовью его раны. О, убить любя – подвиг, как безмерное счастье!

МОНТОЛОН. Кого убить?

АЛЬБИНА. Они видят, они на страже.

МОНТОЛОН. Что ты несёшь?

АЛЬБИНА. На страже доблести.

МОНТОЛОН. Любимая, опомнись. Кого убить?

АЛЬБИНА. Любовь не знает сомнений, и не хочет делиться. Да, я отравила Киприани.

МОНТОЛОН. Ты на себя клеветешь!

АЛЬБИНА. Манон и её мать, - они убили, убили, - малютку, и положили в гроб – крылышки, застывшие ручки, и - гвоздями! - А Киприани...

МОНТОЛОН. Молчи. Ты лжёшь. Молчи, молчи!

АЛЬБИНА. Хотел устроить побег, о, негодяй. Шнырял по острову, я думаю, кого-то подкупил. Ну, нет. Бросить мою малютку на скале!? Я не дам ему сбежать. Сколько женщин обожали его до самопожертвования - они любили его на троне, в гордой славе. Любая сделала бы для него то же, что я – здесь, в этой лачуге, где вонь навоза и крысы, – когда бы он достался только ей – одной!

МОНТОЛОН. Император потерял всё, у него нет ничего!

АЛЬБИНА. Ничего? Как ничего? Ты, дерьмовый генерал, а моя любовь!?

МОНТОЛОН. Приди в себя. Да ты ли это?

АЛЬБИНА. И ни с кем не поделюсь.

МОНТОЛОН. Ты нас погубишь. Тише!

АЛЬБИНА. Я не отдам любовь на поругание! Корсиканская кровь!

МОНТОЛОН. Умоляю!

АЛЬБИНА. Стар, разбит, ну, что же, что не любит? Не любит – не надо.

МОНТОЛОН. Умоляю!

АЛЬБИНА. Я поклялась им – всем, кто любил его в дни величия, и будет любить через сотни лет: император умрёт несломленным.

МОНТОЛОН. Шлюха. Ты... (Рыдает.)

АЛЬБИНА. Ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля. Благословенные берега. Я пошутила. Я никого не убивала. Ха-ха-ха. Шарль, ты глядишь как при казни, ха-ха-ха.

МОНТОЛОН. Впервые вижу тебя такой. Безумие, страсть. Что ты наговорила? Я будто сам в горячке.

АЛЬБИНА. Кем был бы ваш Адам без Евы? – Ни рыба, ни мясо: кусок глины. Ха-ха. И что стало бы с миром, мм? Слава Богу, Ева не была дура, и мы всё взяли в свои руки, чтобы вам было, чем заняться: ваша политика, ваша карьера, дела, ха-ха-ха, война!

МОНТОЛОН. Любимая, я не люблю войны. Я хочу любви. Я хочу мира, и растить детей. Я ненавижу славу. Я люблю танцы, балы, я... Изнываю от тоски, и так хочу быть на балу у Лоу, что...

АЛЬБИНА. Мой девственный Адам, ну, иди сюда, где же ты? Ша-арль?

МОНТОЛОН. В кабинет императора? Прости, но мы с Гурго... мне надо...

АЛЬБИНА. ...помогать пьяному попу? Ша-а-арль, я тебя хочу, а они все подождут. Ля-ля-ля. Ха-ха-ха.

МОНОЛОН. Но – император?..

АЛЬБИНА. А мы пошлём его к чёрту.

МОНОЛОН. Но панихида?.. Стерва. О, чёртовы бабы. Иду, любимая, бегу!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА 10

Колониальный Дом, резиденция губернатора. Утро. В соседней комнате рояль, МЭРИ разучивает партию Розины, повторяя одно и то же место.

Г-ЖА ЛОУ (входит). И представить не могла, прозябая в Лондоне, что окажусь хозяйкой острова. Калипсо да и только. Сегодня бал, столько хлопот. Рабы глупы, слуги не лучше.

МЭРИ (за сценой). А-аа-ааа... Мама, у меня красивый голос?.. А-аа...

Г-ЖА ЛОУ. Долбит и долбит. Точно камни с горы. Бу-бу-бу. Я тоже пела, а как влипла. Лучше бы сбежала с комедьянтом. Мэри, ты продолбила мне все мозги своим а-аа.

МЭРИ (входит). От маркиза Моншеню принесли корзину с фруктами, – у слуг такое обхождение, реверансы, такие тонкие духи. А от русского посла – прикатали икру в бочонке, так служанки – и те смотрели на мужиков с презрением.

Г-ЖА ЛОУ. Русские – те же монголы, сколько от них бед Европе.

МЭРИ. Мама, почему Гурго, что ни скажу, смеётся надо мной? Я говорю: ночью от грома скисли бочки пива, объясните, как туда пробрался гром, если погреб заперт на два замка, а ключи всегда при маме? - Хохочет, говорит: я дурочка. Надо прочесть какую-нибудь книгу. Прочту и поумнею.

Г-ЖА ЛОУ. Не торопись. Мужчины ищут в нас прежде всего дуру.

МЭРИ. Дуру?

Г-ЖА ЛОУ. Прежде всего. Глупая спорит, умная – никогда.

МЭРИ. Никогда?

Г-ЖА ЛОУ. Ни-ни.

МЭРИ. Что же, оставаться всю жизнь душой?

Г-ЖА ЛОУ. Ну, разумеется. Каждая из нас ждёт своего Одиссея. Мой в оковах, а я... Женщине с чувствами лучше быть соломенной вдовой, чем...

МЭРИ. А сам, между прочим, стоял передо мной на коленях, говорил "ангел мой" и всякую такую чушь, что я даже испугалась. На днях мне принесли его записку, а её выкрал папа и не отдаёт. (Заслышав голоса ЛОУ и РИДА, уходит. За сценой.) А-аа...

Г-ЖА ЛОУ. Останусь и подслушаю. Или, чёрт возьми, я не жена шпиона? (Уходит.)

Входят ЛОУ и РИД.

РИД. По списку персонала Киприани числится слугой, но за столом сидел рядом с Наполеоном, и с ним на ты. На острове свёл знакомство со всей здешней сволочью. Двое моих людей пытались разузнать о его связях – один исчез, другого нашли в порту с перерезанным горлом.

ЛОУ. Но - выкрасть труп из могилы? в бурю!?

РИД. Мало ли, – месть, ритуалы дикарей.

ЛОУ. И это говорите вы, лучшая ищейка Скотланд-Ярда. У нас что здесь, каннибалы?

РИД. Хуже, сэр: рабы, индусы, китайцы, негры, ссыльные каторжники. Можно ждать чего угодно.

ЛОУ. У всех на груди была татуировка: "N" с короной. Смирение канальи – блеф, плесневеть - не для него. Нутром чую, он готов рискнуть. Что скажете?

РИД. На плато - караулы, дом оцеплен до рассвета, у берегов эскадра.

ЛОУ. А проклятые туманы? Будь я прикован цепью к Наполеону, я и тогда бы трижды за ночь... Послушайте, а вы уверены... вы уверены, что Киприани умер?

РИД. Тогда кого же хоронили?

ЛОУ. О, боже мой! Нас провели!

РИД. Ваше превосходительство! Успокойтесь, этот человек мёртв, его похоронили, я видел гроб в могиле. Кстати, – знаете, что это?

ЛОУ. Серебряная пуговица.

РИД. С мундира Наполеона. Камердинер обменял её на заднюю часть барана.

Входит Г-ЖА ЛОУ.

Г-ЖА ЛОУ. На задок барана?

ЛОУ. Так дорого?

Г-ЖА ЛОУ. А что бы дали за пуговицу с твоего мундира? Ты все-же губернатор.

ЛОУ. Ах, дорогая! Рид, это недопустимо. Это новая хитрость корсиканской свиньи.

РИД. Но разве это не выставляет его в смешном виде? - Торгуется пуговицами!

ЛОУ. Правительство...

Г-ЖА ЛОУ. Какое-то правительство. Любое правительство отдаст за эту пуговицу лошадь. Отдайте, я хочу её.

РИД. Но, мисс Лоу, я купил её. Впрочем...

Г-ЖА ЛОУ. Вы милый. Какая прелесть. Так что с могилой, Гудсон?

ЛОУ. Мерзавец Киприани исчез. Могила пуста, тело похищено, гроба нет. И это перед самым отъездом представителей союзников.

Г-ЖА ЛОУ (любуйся пуговицей). С его мундира? в самом деле? Какая прелесть.

РИД. Со смертью Киприани для Бонапарта всё кончено. Я даже не мечтал о такой удаче.

ЛОУ. Есть новые подробности его смерти?

РИД. Ещё раз допрашивал Маршана. Во время общего обеда вскочил с криком и упал, корчась от боли.

Г-ЖА ЛОУ. А император?

ЛОУ. Бонапарт, чёрт тебя возьми, дорогая: Бонапарт!

РИД. Послал в город за доктором, потом не отходил от Киприани.

ЛОУ. О чём они говорили?

РИД. Мои осведомители не знают: говорили на итальянском. Кроме вас, ваше превосходительство, никто на острове не знает этого языка. Возможно, Киприани, предостерегал о чём-то, а через несколько часов страданий умер.

Г-ЖА ЛОУ. Какая прелесть, - с его мундира! Рид, а нет ли у вас ещё чего-нибудь? Я бы хотела...

ЛОУ. Дорогая, оставьте нас. (Г-ЖА ЛОУ уходит.) Ваши осведомители... Послушайте, Рид. Мы тут одни. А смерть внебрачной дочери Бонапарта? Что за осведомители, которые убивают детей?

РИД. Сэр Лоу, у монархов не бывает детей: у них наследники престола. Вспомните историю Англии. И я не делаю ничего без санкции начальства.

ЛОУ. Кто ваши люди в лагере врага? Я требую полной информации.

РИД. Охотно. Прачка и её дочь. Этой ночью они умерли.

ЛОУ. Обе разом? Что за чёрт. Убиты?

РИД. Отравлены.

ЛОУ. Кем?

РИД. Откуда мне знать.

ЛОУ. Три смерти – это не шутки, Рид.

РИД. Все трое - слуги.

ЛОУ. Но как мне докладывать в Лондон?

РИД. Смотря, как взяться.

ЛОУ. Что вы имеете ввиду?

РИД. Если предположить...

ЛОУ. Что?

РИД. Я тут поразмыслил. Может... Что, если... Газеты пишут о нём чудовищные вещи. А что, если Бонапарт, скажем, из ненависти к Англии...

ЛОУ. ...подмешивает яд себе и слугам? Да вы что, рехнулись? Только кретину и полному болвану придёт в голову такая мысль.

РИД. Не скажите. Когда правительству нужно занять умы, газеты творят чудеса. Вот: "При переходе через пустыню узурпатор приказал отравить всех пленных и раненых."

ЛОУ. Мы не в редакции газеты, Рид. Вижу по глазам, - выкладываете, что разнюхали.

РИД. История маркизы де Бринвилье вам ничего не говорит?

ЛОУ. Отравительница. Полсотни человек, включая мужа и родню. Казнена в Париже. Ну?

РИД. Допрашивая слугу, я заглянул в корзину с книгами. Так вот, книга о ней – в доме Бонапарта.

ЛОУ. Что из того?

РИД. Это поистине руководство по медленному убийству мышьяком. Моё чутье говорит мне, что кто-то в окружении канальи...

ЛОУ. ...скучает по Парижу?

РИД. Именно. Следует ещё раз, изучить каждого из них.

ЛОУ. Тсс... Моя жена под дверью. Рид, будем откровенны. Вы же не собираетесь ждать, пока кто-то из них его прикончит? Иначе, зачем вы-то здесь?

РИД. Зачем мы здесь? После отъезда русских и австрийцев мерзавец будут наш со всеми потрохами. Я уже изложил свои предложения и жду одобрения Лондона.

ЛОУ. Тогда – выпьем за его смерть. (Наливает две рюмки.) Британия не прощает своих врагов: она их уничтожает.

РИД. За смерть!

ЛОУ. Объявите французам мой приказ: отныне общение с населением запрещается.

РИД. Да, сэр.

ЛОУ. Мне не терпится поставить свинью на место – сегодня, в годовщину его паршивой коронации...

Г-ЖА ЛОУ (входит). Дорогой, я хочу, чтобы ты знал: у меня будет тяжелая истерика. Я тебя предупредила, дорогой. (Уходит.)

ЛОУ. А это у вас что? Читаете романы Вальтер-Скотта?

РИД. Нет, это... Негодяй сумел переправить в Лондон свои записки. И - вот. Жена прислала мне с последним кораблём.

ЛОУ. «Рукопись со Святой Елены. Воспоминания императора Напо...» Как?.. Как это может быть? И вы молчите! Неслыханно! Но – кто издал?

РИД. Думаю, евреи. А кто ещё? - Евреи.

ЛОУ. Глазам не верю. Тут наши имена!

РИД. О, нам досталось, сэр. А когда он умрёт, что мы будем делать?

ЛОУ. С кем, с канальей? В негашёную известь, вместе с книгой. Едем, Рид, осмотрим эту треклятую могилу. (Швыряет книгу на пол.)

Уходят. Входит Г-ЖА ЛОУ, поднимает книгу, целует её, поспешно уходит следом.

СЦЕНА 11

Лонгвуд. Гостиная. Стук молотков. Входят МАРШАН, тяжело опускается на стул. МАРШАН (подавлен, в большом горе). Окоченевший трупик в животе. Смерть подкараулила тебя в утробе. Прости, малыш, прости! Прощай, Манон... Как отвратительные зелёные пятна на твоём личике...

Из кабинета НАПОЛЕОНА выходят АЛЬБИНА и МОНТОЛОН.

АЛЬБИНА (входя, почти в истерике). Ах, опять стук. Что? - зачем стучат?!

ЛУИ. Вбивают гвозди, мадам. Панихида кончилась, император сам прочитал молитву.

АЛЬБИНА. Я не могу слышать. Шарль, сделай же что-нибудь. Они мне будут сниться.

МОНТОЛОН. Луи, пожалуйста, - воды. Альбина, это ничего... Луи, подайте флакон...

АЛЬБИНА. Я не желаю утешений! Она... как она кричала. Её сжигал яд.

МОНТОЛОН. И флакон, Луи.

АЛЬБИНА. Её плач!.. - Моя малютка проснулась - в могиле - от стука, от боли!

МОНТОЛОН. Успокойся. Ты говоришь вздор.

АЛЬБИНА. Но – Шарль, – ей всё ещё больно - кричит в гробу - больно!

МОНТОЛОН. Наполеонна в раю, в раю нет боли. (Кричит в лицо АЛЬБИНЕ.) Твоя дочь в раю!

АЛЬБИНА. Кровь, смерть, гнев и божья кара всем нам. Кому нужны величие и войны? – Дикарям. Могилами усеяны поля, трупы гниют по всей Европе, а вороны уносят кости. Шарль, а что, если это дьявол занёс императора на землю?..

МОНТОЛОН. Замолчи!

ЛУИ. Ваши дети со слугами, на кухне, мадам, идите к ним.

АЛЬБИНА. Дети... Я буду любить их, только их, только их. Где они?

ЛУИ. Играют с маленьким китайцем, они подавлены.

РЕБЁНОК (вбегает). Мама, папа! Я тоже умру? Меня зароют в землю, как Манон?

АЛЬБИНА. Нет, сыночек, нет! Ты будешь жить вечно, ты не умрёшь никогда, никогда!

РЕБЁНОК. Ой, как хорошо! Мама! папа! Я буду жить вечно! Слышите, я никогда не умру! Да здравствует император!

МОНТОЛОН уводит АЛЬБИНУ и ребёнка. Альбина бросает чепчик перед ЛУИ.

ЛУИ (с чепчиком). Крылышко ангела. Что стоит моя сыновья любовь и верность. Я достоин смерти. Но кто разведёт огонь в камине? добудет сливок к кофе? разгонит крыс?..

35

Входит МОНТОЛОН.

МОНТОЛОН. Альбина так чувствительна. Луи, ты поздравил его величество с днём коронации?

ЛУИ. Император был не расположен.

Входят НАПОЛЕОН, держит белый платок у лица, и ГУРГО.

НАПОЛЕОН. Пылающее солнце, мерзкий запах трупов. Похороны стали нашим единственным развлечением.

ГУРГО. Слуги напуганы, сир, они боятся яда.

НАПОЛЕОН. Мы сделались язычниками: крест смешон, он больше не приносит утешения.

НАПОЛЕОН и ГУРГО уходят в кабинет.

МОНТОЛОН. Так молода, и голосок приятный. Кроме неё, болтушки, у нас никто и не смеялся.

ЛУИ. Зной сжег Манон лицо - страшное, чёрные язвы, мухи...

МОНТОЛОН. Сочувствую. Проследи, чтоб на телеге лучше закрепили оба гроба.

ЛУИ. Да, граф.(Уходит.)

МОНТОЛОН. Ха-ха-ха. Смерть, гроб, могила. Ха-ха. Земные чудеса. Убийство - как сладостный елей, безумие - как бездна. Они мертвы, мадам. Но... уже не верю самому себе. У вас способный ученик, тётушка. Яд и безумие - лакомство из Ада. – Что я делаю! Боже, что я сделал! (Всыпает яд в бутылку, слышав шаги, уходит.)

Входят НАПОЛЕОН и ГУРГО.

ГУРГО. Я столько ночей провёл возле вас как адъютант, и могу провести столько же в качестве слуги.

НАПОЛЕОН. Ты нужен мне в Европе. Уезжай.

ГУРГО. Усердие и привязанность могут возместить многое. Без меня вы погибнете.

НАПОЛЕОН. То, что ты расскажешь обо мне, станут повторять у каждого очага. Святая Елена – мой колокол, мой набат. Ничтожество и пошлость – подкоп под мироздание.

Нельзя допустить, чтобы они воцарились в сердцах. Я стар, Гурго, мир устал от меня.

Иное дело – легенда. Легенда... Ты нужен мне там больше, чем здесь.

ГУРГО. Нужен, – за две тысячи лье!

НАПОЛЕОН. При мне письма монархов ко мне в пору моего могущества. Лесть, доносы друг на друга. Они умоляли меня на коленях сохранить им троны. Маршан сумел их спрятать. Полчища шпионов разыскивают их по всей Европе. Им нет цены.

ГУРГО. Что мне с ними делать? Отдать в газету?

НАПОЛЕОН. Перед отъездом тебя будут обыскивать. Ты отдашь их добровольно, лично Лоу.

ГУРГО. Это невозможно, сир, - меня сочтут предателем!

НАПОЛЕОН. Многих смутит твой поступок. Но когда узнают и всё разъяснится, тобой будут восхищаться.

ГУРГО. Но ради чего?

НАПОЛЕОН. Я писал только для неё, только ей, ей одной. Я прошу у матушки прощения и... и вся моя любовь, вся нежность, на какие только способно сыновнее сердце... Гурго, я не хочу, чтобы чужие руки... А письма этих господ...

ГУРГО. Письмо к вашей матери?

НАПОЛЕОН. Да. Письмо матери. Она совсем ослепла. В Риме тебе всякий укажет её дом. Ты прочтёшь ей. Идём, я запечатаю, и продумаем, куда его спрятать. Быть может, в книгу?

36

НАПОЛЕОН и ГУРГО уходят. Входит МОНТОЛОН.

МОНТОЛОН. Видение ожило: он отсылает Гурго, я остаюсь при нём.

ЛУИ (входит). Граф, выйдите, - там священник дерётся с кучером.

МОНТОЛОН. Какой ужасный день.

ЛУИ. Они так сцепились, я пытался разнять...

МОНТОЛОН и ЛУИ уходят. Входят НАПОЛЕОН и ГУРГО.

ГУРГО. Видит бог, с каким сердцем я оставляю вас.

НАПОЛЕОН. Неужели тебе не хочется погулять по Парижу?

ГУРГО. Вы так легко расстаётесь со мной, но дорожите Монтолоном.

НАПОЛЕОН.

Но увидеть Париж мне не достанет силы,

Ужель не видите, я на краю могилы.

Я привык к его услугам. Он более придворный, чем ты. Угодлив, читает мои мысли.

ГУРГО. Угодливый куртизан. Лстецы и подлипалы больше по душе монархам. Если в книгу, то - в какую?

НАПОЛЕОН. Всё читано перечитано. Финал "Титаника" Расина скомкан. Зритель не сразу понимает, что главный герой будет отравлен.

Перебирают несколько книг.

ГУРГО. Найдётся ли во Франции мужчина, который не был ни в одном сражении? – Только один: Монтолон. Генерал, никогда не бравший в руки оружия.

НАПОЛЕОН. Трагедии укрепляют дух нации, - ты читал Софокла?

ГУРГО. С кем вы останетесь? Кто будет рядом?

НАПОЛЕОН. Трагические сюжеты не исчерпаны. Превратности судьбы политика поставляют их в изобилии. Увы, в мою эпоху не оказалось ни одного великого поэта. А, вот «Коринна» мадам де Сталь. Ну, и бабёнка. Была от меня без ума. Почти залезла ко мне в штаны. Однажды увязалась за мной, когда я шёл в уборную: «Однако, - говорю, - мадам, я иду в уборную.» – «А, – говорит, – мне все равно, ваше величество, я уже старая женщина».

ГУРГО. Лучше положить в том Софокла. В «Коринне» одна фальшь, ни слова правды, во вкусе слащавых аристократов, вроде Монтолона.

НАПОЛЕОН. Правда хуже занозы. Вот Монтолон это знает, а ты нет.

ГУРГО. Будучи лейтенантом, вы преподавали математику в его классе.

НАПОЛЕОН. Он с детства при мне. Ни честолюбия, ни воли. Засыпал при чтении Плутарха.

ГУРГО. Став императором, вы его прогнали.

НАПОЛЕОН. Промотал отцовское наследство и женился на Альбине – без моего позволения. Она аристократка, трижды вдова, дважды разведена. Фуше считал её шпионкой короля. Полагаю, он прав.

ГУРГО. Монтолон женился на деньгах. Как можно ему верить?

НАПОЛЕОН. Предаст? - Нашёл чем удивить. Кто ещё имел столько друзей, как я. Умер бы на троне – остался бы загадкой. Покров тайны пал - пусть судят как о человеке. Нет, сын мой, меня уже ничем не проймёшь. А Монтолон... Тут есть ещё, - не знаю, что, но есть. Судьбу, бывает, нелегко понять.

ГУРГО. Нечего и понимать. Ваш заклятый враг, граф Семонвиль, отец Альбины, дружен с королём. По его протекции, пока вы были на Эльбе, король произвёл его в генералы. Все сто дней Монтолон прятался от вас, а после Ватерлоо...

НАПОЛЕОН. Да, после отречения я покидал Париж, он встретился мне по дороге, случайно, и повернул за мной без колебаний. Величия души не объяснить словами. Пойми, я не в Тюильри, сделавшись стар, я волей-неволей разделяю общую судьбу.

ГУРГО. Чью судьбу?

НАПОЛЕОН. Всех стариков. Я одинок, кого не вспомню – мертвы. Бертран глядит, куда и я – в могилу. На мне шестнадцать ран, ночами ноют – вымотали душу. Моё время пришло, и кто-то должен быть, – кто-то, кто назначен провидением. Когда судьбе угодно, что ж...

ГУРГО. Перед смертью Юлия Цезаря была комета.

НАПОЛЕОН. Можно и без кометы. Пусть будет, кто будет, мне всё равно. Возвращайся во Францию. Монтолон останется при мне. Моей комедии конец.

ГУРГО. Только предатели и интриганы добиваются в этом мире успеха.

НАПОЛЕОН. Так и есть. Подлипалы, льстецы, негодяи, угодливые и продажные политики, масоны и болтливые тупицы. Отчего, думаешь, столько дерьма кругом. Разве так должна быть устроена жизнь - на дивной планете, в окружении пылающих звезд!

ГУРГО. А как? Что надо изменить?

НАПОЛЕОН. Если бы я знал! Война – людское безумие. Что за жалкий жребий убивать – под лаской синего неба, под журчание ручьёв и щебет птиц – убивать себе подобных. Ясно одно: творение осквернено и загублено. Налей. Выпьем за мою смерть, она развлечёт публику не меньше, чем моя жизнь.

ГУРГО. Это вино... его подают только вам. Сир, вы не находите – странного вкуса?

НАПОЛЕОН. Ну, не знаю. Возможно. Не уверен. Не хочешь – не пей.

ГУРГО. Вы подарили бутылку миссис Бэлкомб и она заболела. Симптомы те же: точно калёным железом выжигают кишки. Вы дарили вино не только ей. Мне так же приходилось не раз испытывать дикую боль. Однако, чаще других – вам, сир. Это вино... О, сто чертей, да оно отравлено!

НАПОЛЕОН. Ты рехнулся. Замолчи. Мой отец умер от рака. После сражения под Дрезденом, даже утром в день Ватерлоо я два часа катался по земле в сарае.

ГУРГО. Вам дали яд! Это вино... Кругом шпионы. Будет лучше, если мы все будем пить вино из одной бочки.

НАПОЛЕОН. Что, подвергать опасности других?

ГУРГО. Вряд ли посмеют отравить всех сразу.

НАПОЛЕОН. Моя песенка спета, я так и так умру. Видишь – пью и мне хоть бы что.

ГУРГО. О, нет! Вы не желаете внять моим доводам. До Киприани пятеро слуг умерли при тех же симптомах. Ведь вскрытие слуг не производится. Зачем здесь эта книга? "Маркиза де Бринвилье, убийца из убийц"? – Всегда на виду и раскрыта, - мне она противна!

НАПОЛЕОН. Жозефина боялась яда. Пометки – её рукой. В юности нам обоим предсказали трон, но раннюю смерть. Я прихватил в память о ней, и вот, держу открытой. Её маленькая ручка: "Наслаждение тайным убийством стало для маркизы сладостней елеса, манило словно бездна..."

ГУРГО. Но описание смертей в Лонгвуде – на этих страницах!

НАПОЛЕОН. Даже Киприани, лучший из шпионов, не сумел...

ГУРГО. Его опередили. Убийца в этом доме.

НАПОЛЕОН. Что из того? Неужели ты полагаешь, что смерть для меня не станет благом? Ночные обыски, прогулки под конвоем, явь путаю с бредом. А сколько унижений! В благодеянии убийцы вся благосклонность рока. Пью за его здоровье.

ГУРГО. Ваше величество, я не позволю...

НАПОЛЕОН. Подозревать, выслеживать? – Предан и убит, уж лучше так.

ГУРГО. Ах, почему вы отказались бежать, почему?

НАПОЛЕОН. Мне – под пиратским флагом!

ГУРГО. Благородству и подвигу честь под любым флагом. В Америке...

НАПОЛЕОН. Быть Наполеоном, и всё сначала?

ГУРГО. Что сначала?

НАПОЛЕОН. Жизнь. Смогу ли я, запалённая лошадь, пройти ещё один путь?

ГУРГО. Но вы и так добились величия, вы стали Цезарем.

НАПОЛЕОН. Цезарем?!. Бедное дитя, ты смеёшься, или понятия не имеешь, что есть подлинное величие. Правда, это почти искупает то, что ты пять раз спасал мне жизнь.

ГУРГО. Нет, сир, – шесть.

НАПОЛЕОН. Как так? Откуда - шесть? В Испании, потом Эйлау...

ГУРГО. А тем летом, на лугу, - корова летела на вас, выставив рога. - Вот и шесть.

НАПОЛЕОН. Ещё один неоплаченный долг. То не корова, то была судьба, как страшное видение.

Входит МОНТОЛОН.

МОНТОЛОН (входя, в запальчивости). Сир, гроба ползут, едва шевелятся, кузнец, такой подлец, отказался менять колесо, сир, требует денег, скотина. А священник Вильяни уселся на гроб Манон, колотит по нему, богохульствует и тоже требует с вас денег, негодай. А ось колеса...

НАПОЛЕОН. Одно желание – потерять ум.

ГУРГО. Сир, нам ехать к Лоу после погребения?

НАПОЛЕОН (как бы про себя). Глухая мгла...

ГУРГО. Сир?..

НАПОЛЕОН. Мёртвые на марше, туман из глубин. И старая маслина...

ГУРГО. Сир, вам нехорошо?

НАПОЛЕОН (с книгой ЖОЗЕФИНЫ). Кто вас прислал, сударыня? Моя жена? Невозможно, она умерла. Ступени истёрты, кругом руины... В кампании тринадцатого года я прямо таки искал смерти. Лез в самое пекло. Пули летели градом, ядра рвались у самых ног и горы кровавых трупов, – я как заговорённый.

МОНТОЛОН. Не будем унывать. Вы сами говорили: всё решает последняя битва.

НАПОЛЕОН. Ваше присутствие на погребении ободрит слуг... Да, после погребения.

МОНТОЛОН и ГУРГО уходят.

НАПОЛЕОН (с бутылкой вина). Чудный букет. Хлористая ртуть... и величие души. И полусмерть в глазах. (С книгой БЭТСИ). «Быть или не быть?» Что за вопрос! Юношам в забаву – не солдату. Притворное безумие и сомненья. Занятный малый, но как король ты дряннь. Да знал ли сам Шекспир, что есть море бед! - Мошенник, забулдыга, пустомеля. Глубины океана – вот уж мера. Другой вопрос: о снах. Какие сны, ты хочешь знать, приснятся, когда покров земного чувства снят. Кого пугать он вздумал? – Любовь и плен, яд, крысы, гул вулкана, укор теней – да мало ли! Крушение империи, наконец, и сын в руках врагов. Если бы ты знал, какие сны здесь, в жутком сне, мне снятся. Сколько величия в душе, сколь может быть возвышен человек. – Предела нет. Слова, слова, слова. Воображение нуждается в забавах, а сердце – в чувствах, в сладостных слезах. Ещё забыл – о замыслах с размахом: да стоило ли быть Наполеоном? – Поступок, который, не соврать, делает честь всему людскому роду. - В полночь ударит пушка. Туман стремительно сойдёт с вершины и я оденусь крошечной тьмой, как кошка, с ловкостью убийцы, шмыгну за дверь на половине слуг. – Что принесёт мне ночь? Застрелит часовой, сорвусь с обрыва? – Америка, свобода... Проклятый яд смирения! (Выплёскивает вино.)

СЦЕНА 12

Кладбище. Входят БЕТСИ и ГУФФ, в шляпе НАПОЛЕОНА и с зонтом БЭТСИ.

БЕТСИ. Роят могилу. Заступы стучат о камни. Чайки кричат. Когда-нибудь, ваше величество, я превращусь в старуху. Меня тоже положат в гроб, - не возражайте! - как эту девушку; гроб забьют гвоздями - тук-тук, тук-тук, - и повезут по ухабам на телеге и засыпят землёй - там или там. Какой ужас, правда? Очень страшно. Неужели и со мной это сделают? Мне так жутко. Позвольте вашу руку, сожмите крепче, крепче!

ГУФФ. Мисс звёздочка, журчащий ручеёк, рука раба негожая опора.

БЕТСИ. Открыть вам моё сердце, ваше величество? Я больше не люблю наш остров.

ГУФФ. Какое несчастье.

БЕТСИ. Не жду парусов на горизонте.

ГУФФ. Не может быть.

БЕТСИ. Иду и плачу.

ГУФФ. Слезки высохнут, а завтра солнышко встанет, настанет новый день.

БЕТСИ. Не утешайте, меня никто не любит: я некрасива и так несчастна. Ах, бедный Киприани, вы умерли и больше некому меня смешить, показывать фокусы, строить рожицы.

ГУФФ. Вот лужа, - склоните личико, взгляните, госпожа: в ней облачко плывёт.

БЕТСИ. Не хочу ни облака, ни твоего жука, ни учёную крысу. Вашему величеству одни шутки, а мне... Кудряшки, ну, ямочки на щечках. Вот и дождалась: уже морщинка. Надела для него новое платье, а он... Старый, женатый человек. Почему так? Где же счастье, и есть ли оно на земле?

ГУФФ. Есть, моя госпожа. Его больше, чем еды и богатств. Оно как океан, и сколько людей, столько счастья.

БЕТСИ. У графини замок, а у меня что? – Один океан и остров с вулканом. Да пленный император в придачу. Подумаешь, богатства. "Маленькая простушка"! Наденьте шляпу, мсье, и не шмыгайте носом. Я возьму вас под руку. Пусть чайки видят, кому принадлежит ваше сердце. Доверительные беседы, тихие слёзы. Какая несказанная сладость, ваше величество. Наши души слились воедино, и знайте: океан дал нам на двоих одно сердце, одну душу. Океан – земное божество. Он слышит всех, кто любит. Пусть знает моя внучка, как её бабушка влюбилась. Учила одного мсье английскому, читали Гамлета. А он... он воевал, бывал в Египте и в разных странах, рассказывал мне о звёздах, и как в огне погибла Москва, его роковая добыча. А в картах я ловила его на плутовстве. Не знаю,

сказать ли ей? – Однажды застала его в горьком унынии, в слёзах и совершенно несчастным, как я сейчас.

ГУФФ. Ай-ай-ай.

БЕТСИ. Трогательные излияния душ и сердец... И, конечно же, ни слова о том, что хотела пронзить его шпагой. Так и скажу ей: собралась с духом и поцеловала императора. Могильщики ещё долбят яму. Какое дикое зрелище: скрипучая телега на каменистой дороге. Спрячемся за камень: его превосходительство паук губернатор.

БЕТСИ и ГУФФ уходят. Входят ЛОУ и РИД и ГОРРЕКЕР.

ЛОУ. Выставить у могилы часовых.

РИД. Да, ваше превосходительство.

ЛОУ. Проявите свои таланты сыщика, сэр. Фу, какая жара. Дом его неплохо виден.

РИД. Место выбрано удачно. Раскалённый камень, солнце печёт с утра до вечера. Кругом нагромождение скал и пропастей. Мы сгноим его и поджарим. Ему не выжить на этом плато.

ЛОУ. Не выжить. Если бы не представители союзных держав...

РИД. Мы бы давно вернулись в Лондон.

ЛОУ. Слухов, больше слухов, Рид. Вы слышали про обморок? Пусть на острове думают, что эта французская скотина пыталась отравиться.

РИД. Сэр, я пустил слух, что он страдает от ожога.

ЛОУ. Клевета и дезинформация самые верные солдаты.

РИД. Лучше не бывает.

ЛОУ. Они никогда не изменят и их легко прокормить.

РИД. Прекрасно сказано, сэр.

ЛОУ. И невозможно победить!

РИД. Ха-ха-ха.

ЛОУ. Есть повод взглянуть на его рожу. Я здесь хозяин, и я его повелитель. Я не дам негодяю ни минуты покоя. Мелочные придирки и унижения – вот под чем он не устоит.

РИД. С утра до вечера продолжает диктовать воспоминания. Не скрою, мне было бы занятно взглянуть.

ЛОУ. Что? Выкрасть бумаги? Отличная мысль, вы молодец. Но – как?

РИД. Я хотел сказать...

ЛОУ. Устроим ночью очередной обыск. И передайте всем в лагере врага: кто станет жаловаться – будет выслан. Все до одного!

РИД. Останется Наполеон, вы и я.

ЛОУ. В негашёную известь, сэр, и как можно скорее.

РИД. Люди Бонапарта.

ЛОУ. За мной, Рид, я выведу их на чистую воду.

Уходят. Входят БЕТСИ и ГУФФ.

БЕТСИ. Что они задумали? Он сказал "этой ночью". Я не могла услышать. Но сегодня бал. Он сказал: устроим ночью. Бони грозит опасность. Какие страшные люди. Идите за мной, ваше величество, и ничего не бойтесь. Я скорей умру, но не дам вас в обиду.

БЭТСЯ и ГУФФ уходят. Входят МОНТОЛОН и ГУРГО.

МОНТОЛОН. Клячи едва не сдохли. Ненавижу похороны. Можно сойти с ума.

ГУРГО. Осторожно – змея! Пускай ползёт. Что с вами?

МОНТОЛОН. Остров кишит ими. Мерзкая гадина.

ГУРГО. Зной, океан и тоска. Император отменил праздничный обед.

МОНТОЛОН. И мне, знаете ли, не хотелось бы смотреть на еду.

ГУРГО. Без коровы придётся плохо. С тех пор, как продали телёнка, она давала по четыре галлона в день.

МОНТОЛОН. Не представляю, как мы сможем обходиться без масла.

ГУРГО. На корову денег нет. Будем сбивать из овечьего молока.

МОНТОЛОН. Альбина привыкла пить кофе со сливками.

ГУРГО. Странно всё это. Три мертвеца и... ваша малютка дочь. Простите. Её крики стоят в ушах. Император в опасности. Враг не узнан, но он рядом. Что вы на это скажете?

МОНТОЛОН. Это единственное, что известно наверняка.

ГУРГО. Коляска на дороге. Лоу и начальник полиции. Надеюсь, отыщут хотя бы гроб.

МОНТОЛОН. Не могу понять вашего желания породниться с тюремщиком.

ГУРГО. Это не ваше дело.

МОНТОЛОН. Неужели вы намерены быть на балу в годовщину коронации?

ГУРГО. Не знаю. Но... Да, я намерен просить руки мисс Мэри.

МОНТОЛОН. Бросать императора в несчастье и устраивать личную жизнь? Где же долг верности?

ГУРГО. А вы – какую роль выбрали вы, генерал?

МОНТОЛОН. Я не актёр – играть роли.

ГУРГО. Ваши представления о долге делают вас посмешищем.

МОНТОЛОН. На что вы намекаете?

ГУРГО. Да, я намерен жениться на дочери сэра Лоу. Я люблю её. Я боевой генерал. Я не собираюсь ожидать наследства, мечтая о миллионах в завещании императора.

МОНТОЛОН. Как вы смеете!

ГУРГО. Вы стоите перед дверью в его кабинет и не знаете, чему смеётся ваша жена. Она просто шлюха.

МОНТОЛОН. Вы негодяй!

ГУРГО. Я к вашим услугам.

МОНТОЛОН. Отлично. Говорите сами с вашим английским тестем.

ГУРГО. Не смейте уходить. Император поручил вам выразить губернатору свой протест. Извольте умерить пыл.

Входят ЛОУ, РИД и ГОРРЕКЕР. Приветствуют друг друга без слов.

ЛОУ. Кто мог украсть тело из могилы?

МОНТОЛОН. Его величество Наполеон ожидает получить объяснение от вас, сэр.

ЛОУ. Какое-то величество. Я должен допросить генерала Бонапарта.

МОНТОЛОН. Аудиенция невозможна. Император болен.

ЛОУ. Ваш так называемый император мой пленник. И я буду решать, когда мне его видеть – я, а не он! Что случилось с Киприани? Вы были при этом?

МОНТОЛОН. За обедом он упал на пол.

РИД. В присутствии Наполеона Бонапарта?

МОНТОЛОН. Да. Во время обеда. Киприани сразила острейшая боль. Он закричал и упал на пол.

ЛОУ. А сегодня исчез... Кого это опять у вас хоронят? Что за похороны?

МОНТОЛОН. Умерли моя служанка и её дочь.

РИД. Как, ещё!? Что там у вас творится?

ЛОУ. Какова причина смерти двух женщин?

МОНТОЛОН. Два года император Наполеон и его свита не имеют врача. Вы это знаете. За последнее время император дважды перенёс обморочный приступ.

ЛОУ. О ком он говорит? Какой-то император.

РИД. У Наполеона был обморок. Хорошая новость.

ЛОУ. Апоплексический удар. Наполеон с высунутом языком. (МОНТОЛОНУ.) Раз и навсегда: на острове нет императора: есть генерал Бонапарт. Я предоставил в его распоряжение своего врача – он отказался.

МОНТОЛОН. Император желает иметь врачом француза или итальянца.

ЛОУ. Какой император? Я не понимаю, о ком вы хлопчете, граф?

МОНТОЛОН. Провизия, которую вы поставляете, пригодна лишь для скота. Две недели нет мяса. Зайдите к повару – из припасов бобы и соя. Гибель этих людей на вашей совести, сэр Лоу, – так сказал император.

ЛОУ. Мы на острове. Я не виноват, что вы и этот ваш император оказались здесь. Ваши претензии к герцогу Веллингтону. Когда придёт корабль с продовольствием...

(Вдали появляется ГУФФ, в шляпе НАПОЛЕОНА, затем уходит.)

Рид, – Наполеон! – в тумане, среди могил.

РИД. Нет, это... это Гуфф, раб Бэлкомба. Он того, на своём привете.

ЛОУ. Но в шляпе? Вы что, Рид, ослепли? – Бонапарт, идёт к нам!

РИД. И всё же это Гуфф, ваше превосходительство.

ЛОУ. Я не слепой... Но такое сходство.

РИД. Очевидно, корсиканец подарил ему свою шляпу. Не правда ли, – какой щелчок по его самолюбию.

ЛОУ. Любопытно, что думает об этом сходстве ваш генерал? Уверен, оно ему не по душе. Мои сожаления. Увы, у меня нет полномочий ограничивать свободу этого несчастного. Он не опасен, я не могу запретить ему бывать, где ему вздумается, хотя бы под окнами генерала.

ГУРГО. Напротив, это сходство забавляет императора. Он открыл в портовой таверне счёт с тем, чтобы «генерал Гуфф» мог там обедать.

МОНТОЛОН. Наши люди больны. За три года умерло несколько человек.

ЛОУ. Я не господь Бог, чтобы менять климат Африки. Гарнизон так же несёт потери. Взгляните туда, сэр, – целая эскадра курсирует вокруг острова. Как видите, Британии не дешево обходится содержание этого беспокойного мсье. Всякое другое правительство не замедлило бы воспользоваться правами победителя, чтобы устроить ему показательный суд и виселицу.

МОНТОЛОН. Ваше правительство воспользовалось своими правами, подобрав сюда губернатором ваше превосходительство.

ЛОУ. Я олицетворяю собой Великобританию, джентльмены.

ГУРГО. До свидания, господа.

ЛОУ. Надеюсь, господа, служебные обязанности не изменят наших намерений приятно скоротать сегодняшний вечер в моём доме.

ГУРГО. Разумеется, ваше превосходительство.

МОНТОЛОН и ГУРГО уходят.

ЛОУ. Ясно одно: в окружении Наполеона предатель.

РИД. Монтолон не может вернуться во Францию: его ждёт тюрьма и бесчестье.

ЛОУ. Крупный проигрыш в карты...

РИД. И растрата полковой казны. Пока жив Бонапарт, он останется при нём.

ЛОУ. ?..

РИД. Возможно да, возможно нет. Старая истина: сколько слуг, столько врагов. Ваша жена, сэр.

Входит Г-ЖА ЛОУ с чернокожей рабыней.

Г-ЖА ЛОУ. Это я. Могила пуста, всё обыскала – нигде ничего. И там была, и там. Пока я не узнаю, где труп...

ЛОУ. Пока я не узнаю, где труп – я не буду знать, что происходит на острове.

Г-ЖА ЛОУ. Я и говорю, пока я не узнаю... Граф Монтолон? А с ним генерал? Жаль, я не успела. Надеюсь, ты был любезен?

ЛОУ. Рид, кто увидел могилу первым?

РИД. Часовые, когда рассвело.

Г-ЖА ЛОУ. Вот если бы украли ваш труп, сэр Томас, я бы не удивилась, но...

ЛОУ. Мерзавец Киприани.

РИД. И всё же нам повезло, что он мёртв. Уверен, попытка захватить остров...

Г-ЖА ЛОУ. Ветер, а я не надела панталон. Бедная могила, её обокрали.

ЛОУ. Дорогая, ты, кажется, хотела навестить госпожу Бертран?

Г-ЖА ЛОУ. Да, на прошлой неделе, дорогой. Ты мне запретил.

ЛОУ. Я был не прав. Фанни больна, и она англичанка. Поезжай, поболтай с ней.

Г-ЖА ЛОУ. Что, прямо сейчас?

ЛОУ. Садись в коляску, разузнай, что у них там. Я обязан знать всё до мелочей.

Г-ЖА ЛОУ. Но – как, без панталон?

ЛОУ. Миссис Лоу, вы знаете, какой нынче день? Годовщина коронации корсиканской свиньи. Послы держав желают непременно видеть Бонапарта. Я намерен лично пригласить его.

Г-ЖА ЛОУ. Как, неужели император - в моём доме!

РИД. Он не придёт. Конечно, нет.

ЛОУ. Как бы мне хотелось доставить его под конвоем.

Г-ЖА ЛОУ. Лоу, вы злодей. Император мог быть моим гостем. Я чувствую себя обворованной, как бедная могила.

ЛОУ. Кто это существо – в белом платье?

РИД. Бетси Бэлкомб.

Г-ЖА ЛОУ. Эта крошка тоже влюблена в Наполеона и страдает, как и я. Мы здесь все его обожаем. Если бы он захотел, мы бы устроили ему побег, и все часовые мира не могли бы нам помешать. Но он не хочет!

ЛОУ. Дорогая, что с вами такое?

Г-ЖА ЛОУ. Да ничего особенного, ваше превосходительство, болтаю глупости. Бетси тоже его любит, и так страдает, бедняжка. Как можно любить смертного: губы тянутся целовать бога!

ЛОУ. Да вы что, мадам, белены объелись?

Г-ЖА ЛОУ. Я не ела белены, милый. Я к ней сегодня не прикасалась. Просто иногда так противно корчить из себя дуру в угоду тебе, дорогой. Позвольте мне иногда не корчить из себя дуру. Хотя бы перед обворованной могилой. Бетси?..

ЛОУ. Вы слышали, Рид? Враг всюду.

РИД. Да, сэр. Я никому не верю. Даже вам.

ЛОУ. К этому достоинству не мешало бы прибавить мозгов.

Г-ЖА ЛОУ. Бетси!.

РИД. Бонапарт часто бывает в доме этого торговца.

ЛОУ. Белкомб обязан письменно уведомлять меня о содержании их бесед.

Г-ЖА ЛОУ. Ты готов требовать отчёта даже от лошади Наполеона.

Входит БЕТСИ.

БЕТСИ. Доброе утро, ваше превосходительство.

ЛОУ. Здравствуйте, Бетси.

БЕТСИ. Доброе утро.

Г-ЖА ЛОУ. Милая Бетси! Ты плакала? Какие печальные события. Позволь мне обнять тебя.

ЛОУ. Что вы здесь делаете?

БЕТСИ. Иду провести могилу бедного сэра Киприани. Три дня назад он подарил мне эти ленты, и так смешил... Мы встретились в порту. А вчера его... Кто мог это сделать?

РИД. Слухи разносятся с быстротой огня.

Г-ЖА ЛОУ. Бетси, садись в коляску, я еду к мадам Бертран, ты же наведишь нашего друга императора, и выразишь ему нашу печаль.

БЕТСИ. Благодарю вас, ваше превосходительство, но мне пора домой.

ЛОУ. А позвольте спросить, душечка, что весёлого вам рассказал покойный, о чём шла речь?

БЕТСИ. О разном, сэр. О детстве. Детьми они с императором прыгали в море, с отвесной скалы. А ещё сэр Киприани тоже хотел написать книгу.

ЛОУ. Им тут неплохо живётся: все пишут книги.

Г-ЖА ЛОУ. Ну, видно, людям есть, чем похвастать, милый, кроме твоих трактирных приключений.

ЛОУ. Пленники, – у меня под замком, – чем хвастать? Ну, и?...

БЕТСИ. Ещё он - что вы с ним старые друзья, сэр. И был удивлён, что я об этом знаю.

РИД. Друзья? С кем друзья? Что это значит? Вы об этом не рассказывали, сэр.

ЛОУ. Ничего не понимаю, кто с кем?

БЕТСИ. Синьор Киприани и ваше превосходительство. В Италии вы шпионили друг за другом, но на Корсике ваше превосходительство попались в мышеловку к сэру Киприани.

ЛОУ. В мышеловку? Я? Но... Кто вам-то об этом сказал, голубушка?

Г-ЖА ЛОУ. Я сказала. Ну, и что?

ЛОУ. Но я никогда не знал этого Кипри... Чипри... Откуда ты взяла?

Г-ЖА ЛОУ. Я? Ну, я не помню, кажется, от вас, сэр Рид? Ну, так и есть, от вас!

РИД. От меня?!

Г-ЖА ЛОУ. Что же я, сама придумала? Ну, значит, сама придумала. Ха-ха. Какая же я всё-таки дура.

ЛОУ. Постой, постой... О бог мой! Его итальянская рожа... Он был с бородой, под именем... Как же я мог не узнать!.. Что вы так смотрите, Рид?

РИД. Странная забывчивость, сэр, вы не находите?

ЛОУ. Да, не узнал. Но... Вы правы, Рид, нам повезло. То был оборотень, а не человек. В Италии он руководил шпионской сетью. Я же готовил почву для убийства Наполеона. Нас выследили, я три месяца просидел во французской тюрьме, я едва не был расстрелян.

РИД. А теперь его ни в тюрьме, ни в могиле. Странно, сэр.

Г-ЖА ЛОУ. Ты опять с носом, милый. У тебя вечно всё мимо рук.

ЛОУ. Горрекер, прикажите выставить у могилы часовых.

Г-ЖА ЛОУ. Не смей людей, дорогой. Кого ты собираешься охранять? Или ты думаешь, что его привезут обратно? Он давно уже... в другом месте.

ЛОУ. В каком месте?

Г-ЖА ЛОУ. Ну, ясно, в каком.

ЛОУ. Что вам ясно?

Г-ЖА ЛОУ. Ничего. Кроме того, что ветер, а у меня голый зад. Ой, ужас – телега с гробами. Как поразмыслить, то и впрямь могила мать всех и вся. Не люблю я подобных зрелищ, и вам, деточка, незачем оставаться.

БЕТСИ. До свидания, ваше превосходительство.

Г-ЖА ЛОУ. Прощай, моя крошка. Я передам твой нежный взгляд тому, кого мы любим вместе. Проводи меня к коляске. А вечером непременно к нам, Бетси, на бал. Будут морские офицеры, такие гордецы такие красавцы. Ах, какие красавцы!

Г-ЖА ЛОУ и БЕТСИ уходят.

ЛОУ. Горрекер!

ГОРРЕКЕР. Да, сэр?

ЛОУ. Поежайте вперёд, поднимите полк по тревоге. Окружить дом Бонапарта. И не церемоньтесь. Едем, Рид. Я задам ему хорошую взбучку.

Уходят.

СЦЕНА 13

Гостинная в Лонгвуде. Застекленные двери открыты, видна тропинка, чахлые деревца сада. НАПОЛЕОН, ГУРГО и ЛУИ.

МОНТОЛОН (входит). Губернатор и начальник полиции. Солдаты цепью приближаются к дому. Маршал отказал ему в аудиенции, но Лоу, этот негодяй...

За стеклянной дверью у крыльца появляются ЛОУ и РИД,
им преграждает путь БЕРТРАН.

ЛОУ. Я желаю видеть перед собой пленного Бонапарта! Где он?

БЕРТРАН. Я уже сказал, император не может вас принять.

ЛОУ. Сыт по горло. Рид, идёте! Бертран, с дороги!

НАПОЛЕОН. Гурго, закройте дверь. Я не желаю видеть моего тюремщика и убийцу.

ГУРГО закрывает дверь.

РИД. Сэр, они закрыли дверь.

ЛОУ. Какая наглость! Рид, стучите в окна. Бонапарт, вы слышите меня? Я вижу – вот он! Если вы не выйдете сию минуту, я прикажу разнести дом в щепки. Где ваш хозяин, сэр? Я возмущен его поведением! Стучите как можно громче!

БЕРТРАН. Император не может дать вам аудиенцию. Он болен.

ЛОУ. Чёрт возьми, кто здесь хозяин?

БЕРТРАН. На меня возложена обязанность следить за этикетом двора.

ЛОУ. Свиначник, сколоченный для заключенных. Оцепить дом! Где чёрный ход? За мной!

НАПОЛЕОН. Я продырявлю череп первому, кто осмелится переступить порог без моего позволения. Пистолеты?

ГУРГО. Заряжены.

НАПОЛЕОН. Англия довела низость до последней грани.

МОНТОЛОН. Но если они всё же...

НАПОЛЕОН. Что за "если"!

ЛУИ. Драться, граф!

НАПОЛЕОН. Мой мальчик, у тебя сердце льва.

ГУРГО. Лоу я беру на себя.

АЛЬБИНА (входит). Шарль, уйди с этого места: тут упал Киприани. Сир! Мой долг француженки велит мне быть рядом с мужем и разделить со всеми общую судьбу. Я хорошо стреляю.

МОНТОЛОН. Альбина, нет! А наши дети?

АЛЬБИНА. Сир! Они слишком малы для оружия, но всё понимают, и молчат.

НАПОЛЕОН. Я восхищён, не нахожу слов. Укройте за буфет, в столовой.

ГУРГО. Сир, слуги у дверей в кухне, они полны отваги! Я у окна в кабинете.

НАПОЛЕОН (МОНТОЛОНУ.) Вот моя шпага. Это твоё боевое крещение, мой мальчик. Стой насмерть.

МОНТОЛОН. О, сир!..

ГУРГО, АЛЬБИНА и ЛУИ уходят.
Стук в окна, в стены, в дверь.

ЛОУ (за сценой). Добудьте мне этого сукиного сына! Выходите, Бонапарт! Стучите! Я требую ко мне Бонапарта!

Стук в окна и те же голоса.

НАПОЛЕОН. Хладнокровие, дети мои. Здесь – Франция.
МОНТОЛОН (в сторону). Со шпагой, и даже молю бога, чтобы сорвали дверь!
ЛОУ (за сценой). Я хочу видеть Наполеона Бонапарта! Предъявите мне Бонапарта!
МОНТОЛОН (в сторону). Как это легко и просто – насмерть. Где вы, ночная стража!
ЛОУ (за сценой). Я должен видеть этого человека. Где пленный? Сбивайте ставни! Ломайте дверь!
НАПОЛЕОН. Победа Англии пошла насмарку, ибо опозорена навеки.

Стук в дверь и в ставни окон.

МОНОЛОН. И с этим типом вы решили породниться, Гурго, и не смеееее признатьсся?
НАПОЛЕОН. В чём дело? Что это значит?
ГУРГО. Я хотел просить вашего позволения...
НАПОЛЕОН. Ты сделал предложение мисс Лоу?
ГУРГО. Нет, сир, но намеревался... на балу.
МОНОЛОН. Сбивают ставни! Моя шпага!..
НАПОЛЕОН. Любовь. Вот оно, сердце Франции, бескорыстное и горячее. Любовь!
ГУРГО. Сир, он у меня на мушке.
НАПОЛЕОН. Намерение жениться в данных обстоятельствах говорит о великом чувстве.
ГУРГО. Прикажите стрелять!
НАПОЛЕОН. Опустите это железо. Что до меня, я готов на что угодно, лишь бы ты был счастлив. Отбой. Откройте дверь.
ГУРГО. Но, сир, они решат, что мы...
НАПОЛЕОН. Луи, – дверь. Узнаем, чего хочет это животное. Уверен, сэр Лоу явился пригласить меня на вечеринку, только и всего.

МОНТОЛОН и АЛЬБИНА уходят. НАПОЛЕОН, ЛОУ, БЕРТРАН, ГУРГО.

ЛОУ. Здравствуйте, генерал.
НАПОЛЕОН. Здравствуйте, губернатор. Что привело вас в мой дом?
ЛОУ. Генерал! Довожу до вашего сведения, что наблюдатели союзных держав, не видя смысла в дальнейшем пребывании на острове, возвращаются в свои столицы. В связи с этим они просили меня передать вашему превосходительству, что готовы лично выслушать жалобы или пожелания, если таковые имеются. И, разумеется, засвидетельствовать вам своё почтение. Если вам угодно принять приглашение на бал, который я устраиваю сегодня в их честь, то я и госпожа Лоу – мы будем считать себя... в некотором роде... Согласитесь, недоразумения между нами зашли слишком далеко, о чём я сожалею.
НАПОЛЕОН. Губернатор! Представители России, Австрии и Франции даже не сочли нужным быть мне представленными. Я их не знаю, и никогда их не видел. Хотя самые могущественные монархи мира не стыдились нанести мне визит. Вы ждёте, что я явлюсь сказать им до свидания и выслушать их сочувствие? В мои руки попадало много монархов, и никого из них я не казнил, не посадил в тюрьму...
ЛОУ. Уверен, вы об этом сожалеете.

НАПОЛЕОН. Хм... Я не могу написать ни одного письма, которое бы вы не вскрыли. Вы задержали бюст моего сына и книги, посланные мне. Даже бельё.

ЛОУ. Посвящения книг и частные письма содержат в обращении императорский титул. А на белье вышит знак короны. Задержаны так же шахматы, где фигуры инкрустированы короной и буквой "N", и прочие подарки от разных лиц из многих стран.

НАПОЛЕОН. А кто вам дал право оспаривать мой императорский титул?

ЛОУ. Кто дал право? Ну, разумеется, Ватерлоо, генерал. Ватерлоо!

НАПОЛЕОН. Ватерлоо... 20 лет я вершил судьбами наций, моя семья была породнена со всеми царствующими семьями. Разве не знают на родине Шекспира, что нет более возвышенного зрелища, чем великий человек, противостоящий превратностям судьбы и невзгодам? Разве не знают, что Наполеон на Святой Елене, подвергающийся всевозможным оскорблениям и притеснениям, которым он противопоставляет лишь душевное спокойствие, более велик, более свят, более достоин почитания, чем тогда, когда он восседал на первом троне мира, и откуда так долго рассуждал споры королей? Ватерлоо – услуга истории поэтам и философам. Те, кто ныне не отдаёт должного Наполеону, унижают лишь собственную нацию.

ЛОУ. Правительство Великобритании видит в вас, генерал, всего лишь военнопленного. Вы наш пленник.

НАПОЛЕОН. Отнюдь. Я гость Англии. Англия опозорена навеки. Я ступил на борт Беллерофонта по доброй воле. Подобно Мефистоклу, я пришёл к очагу британского народа искать убежища. Мог ли я дать ему более яркое доказательство своего уважения и доверия? А чем ответила Англия на это проявление величия души? Правительство позволило капитану принять меня и мою свиту. Но, устроив мне западню, изменило законам чести. Сделали вид, что протягивают мне руку гостеприимства, и когда я чистосердечно поверил, мне объявили, что я пленный и меня увозят на экватор, и что отныне мне велено именовать себя "генерал Бонапарт"!

ЛОУ. Решением монархов вы останетесь на Святой Елене до конца ваших дней. Только так можно положить конец потрясениям, бессмысленным войнам и убийствам людей. Без вас Европа вновь обрела, наконец, спокойствие и мир.

НАПОЛЕОН. Бессмысленным войнам... Европа обрела... Милый мой, державы не со мной вели войны, а с революцией. Европа до меня была подобна ленивому стаду. Я вёл войны, в том нет сомнения. Когда меня вынуждали или я ставил перед собой большие политические цели. А что касается убийств... Война не имеет ничего общего с целями убийства. В пору моей молодости при осаде Тулона английские и французские офицеры приглашали противника напасть первыми, и тратили не мало слов, прежде чем приступить к делу. Сегодня благородство кажется смешным, но тогда... Мои войны из рыцарских времён. Что было бы с человечеством без троянской войны, которая длилась девять лет? Мои войны!.. Враг бывал разбит в две-три недели. Война очищает человеческую породу, возвышает душу народа. Спорить будут лишь негодяи. Война прославляла эпохи. Дух, закованный в теле, стонет и бьется. Власть мечты беспредельна. Я звал её к бунту, к славе. Революция – это конец плену. Мои армии состояли из детей крестьян - в доблести не уступали дворянам. Невежественные, суровые – им было не страшно умирать, они любили войну больше жизни.

ЛОУ. Они обрели могилу, генерал.

НАПОЛЕОН. Нет. Нет. Вечную славу.

ЛОУ. Вас объявили военным преступником. Вам ли рассуждать о благородстве. Почитайте газеты! – что пишут о вас и о вашей революции.

НАПОЛЕОН. Да обо мне ещё лет двести будут судить по газетным статьям. Впрочем, вот: пишут, юные немцы в Берлине кричат: «Да здравствует император!» Пламя свободы горит в юных сердцах, я царю в каждом благородном сердце.

ЛОУ. Жалкий пафос. Скажите спасибо: мы сохранили вам жизнь.

НАПОЛЕОН. Пройдёт немного лет, и ваше правительство и вы, стоящий передо мной, – все вы будете под прахом забвения. Никто не вспомнит ваших имён. А если вспомнят ваше... разве что в связи с недостойным обращением со мной.

ЛОУ. Я из породы людей со здравым смыслом, генерал. Таким, как я, плевать, что скажут потомки. Я служака, а не фантазёр.

НАПОЛЕОН. А я недаром управлял большей половиной Европы, и знаю, на что употребляют людей вашего пошиба. Правительства нанимают людей двух сортов: кого уважают и кого презирают. Вы в числе последних.

ЛОУ. Я вынужден доложить моему правительству об атмосфере подозрительности, царящий в этом доме.

НАПОЛЕОН. Вы правы. Подозрение вызывает каждый ваш шаг.

ЛОУ. Я говорю о тех несчастных, которых конец был так ужасен. Налицо все признаки отравления мышьяком.

НАПОЛЕОН. Причина смерти моих людей очевидна. Она в невозможности жить европейцу в африканском климате и в этих стенах, где прежде вы держали свиней, она также в недостатке питания, в полном отсутствии фруктов и овощей.

ЛОУ. Я не господь бог, я не могу отвечать за неудобства климата. Что касается питания – так питаются на всех островах Британской империи. Статья расходов на ваше содержание утверждена кабинетом. Можете изложить свои жалобы, я передам их в Лондон.

НАПОЛЕОН. Можете вообще не присылать провианта. Вон – английский полк, я выйду к ним и скажу: «Самый старый солдат Европы просит вас разделить с ним свой паёк!» И мне не откажут: солдаты не торгуют честью!

ЛОУ. Вы угрожаете бунтом?

НАПОЛЕОН. Любому из них, под моими окнами, известно, что вы за птица. При вас я не могу даже выпить, без риска быть отравленным.

ЛОУ. Это переходит всякие границы. Я доложу о нашем разговоре в Лондон. /Уходя./ Отжившее величие.

ЛОУ уходит. НАПОЛЕОН, ГУРГО и БЕРТРАН.

НАПОЛЕОН. Каста наследственных ослов. Ни в грош не ставят подвиг. Что стало бы с миром, умри я на Аркольском мосту?

БЕРТРАН. Что ты хочешь, новые времена. (ГУРГО.) А ты дурак, братец: жена англичанка – хуже засады, уж поверь.

НАПОЛЕОН. Надеюсь, твоё предложение миссис Мэри будет принято.

ГУРГО. Благодарю вас, ваше величество. (Уходит.)

БЕРТРАН. Мы с тобой ещё хоть куда.

НАПОЛЕОН. Прощай, Бертран.

БЕРТРАН. Славная у тебя будет ночь. Э, жаль, без меня. Прощай.

БЕРТРАН уходит. Входит ЛУИ.

НАПОЛЕОН. Вечером на балу ты будешь прислуживать графине.

ЛУИ. На балу? - Я на балу!

НАПОЛЕОН. Утром Бертран скажет тебе, что делать. Что это у тебя за хрень в мешочке?

ЛУИ. Так, ничего... хрень. То есть... волосы вашего величества.

НАПОЛЕОН. На кой чёрт, Луи?

ЛУИ. Да, так. Тот раз постриг вас, ну и сложил.

НАПОЛЕОН. Хочешь набить ими подушку? Тебе будут сниться жуткие сны... Луи, ты что, торгуешь моими волосами?

ЛУИ. Я? О, нет! Сир, это просто... вовсе нет. Я...

НАПОЛЕОН. Перо, пряжка от старых башмаков? - Что это за барахло?

ЛУИ. Офицеры из английского полка... Так, сувениры - друзьям, невестам.

НАПОЛЕОН. Локон?

ЛУИ. Адмиралу. Он попросил – как отказать?

НАПОЛЕОН. Косичка из волос.

ЛУИ. Мясник, китаец Ли, - он прямо боготворит вас, сир, и так щедр.

НАПОЛЕОН. Китаец Ли?.. Святая мадонна.

ЛУИ. Сир?..

НАПОЛЕОН. ?.. Что?.. Мне как-то приснилась богоматерь... Какой сегодня день?

ЛУИ. Сир, я...

НАПОЛЕОН. Ирония скупилась все мои векселя, источила на мне все стрелы. Орлы и вензель, - старая рухлядь в чулане птичника. А я ещё жив.

ЛУИ. Простите меня...

НАПОЛЕОН. Что же выбьют на скважистом камне?.. Бежать. Или умереть любой смертью. (Уходит.)

ЛУИ. Они выбьют, сир, они выбьют "Здесь жило славное племя!.."

Входит АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА. То переполох с коровой, то несчастье с могилой. Как спать, – трупы в доме.

ЛУИ. Под утро их перенесли в коттедж. Мне помогали часовые. Свеча горела, я молился и... пел - колыбельную. Мм-мм-мм, мм-мм-а...а...

АЛЬБИНА. Ты плачешь? О, мой Луи!..

ЛУИ. Прошу вас, не надо.

АЛЬБИНА (горячим шёпотом). Я удалюсь в монастырь, в глухую обитель и - день и ночь – до седых волос...

ЛУИ. У прошлого...

АЛЬБИНА. И когда я стану умирать, я призову тебя. Прощание у гроба украсит нашу жизнь - воспоминанием. Луи, о, мой Луи.

ЛУИ (шёпотом). Идите в монастырь, и поминайте меня чаще, как только можете, – как и я вас и... святой маленький гроб.

АЛЬБИНА. О, милосердное провидение! Да снизойдёт его благословение на наши души. С такими небесными словами не расстанутся.

ЛУИ. Я бы умер, но к несчастью научился презирать смерть.

АЛЬБИНА. Ах, Луи. Как бьётся твоё сердце. Так молод, но видел и Москву и Эльбу.

ЛУИ. И Ватерлоо, мадам.

АЛЬБИНА. Ватерлоо. - Ужасный мираж в день битвы над Парижем. - Сквозь облака шла конница. Огромные лошади неслись во весь опор. Сверкали сабли, палили пушки. В пороховом дыму мелькали лица драгун, солдат. Мы видели врагов - одни кричали, другие взирали молча. Вдали что-то пылало... Моя карета остановилась на мосту, я вышла. Рядом, на набережной Сены, на крышах, - всюду – мужчины, женщины. - Онемев от ужаса, все мы, задрав головы, смотрели ввысь. Потом будто чья-то могучая рука вдруг встряхнула полотно, видение дрогнуло, поплыло и исчезло.

НАПОЛЕОН (входит). Древность не знает подобных знамений. Небо произнесло надо мной свой приговор. Однако, графиня, – бал у губернатора. Вы должны хорошо выглядеть.

АЛЬБИНА. О, сир! Позвольте мне остаться, я скажусь больной. Провести этот вечер с вами, в молчании...

НАПОЛЕОН. Этой ночью я жду тех, кому давно принадлежу. Музыка, сверкающий паркет, кружащиеся пары. И легче верится, что пора возвращаться во Францию.

АЛЬБИНА. Я отправилась за вами, я... я поклялась сделать вас счастливым, я...

НАПОЛЕОН. Чаша славы эфемерна, но чаша страданий невыносимо горька. А ваши дети подрастают. И вы не можете иначе. Жизнь - не сон, нельзя прожить её на вулкане.

АЛЬБИНА. Вы отнимаете у меня мой лучший сон.
 НАПОЛЕОН. Только остров. Сны останутся с вами.
 АЛЬБИНА. Сны Святой Елены.

НАПОЛЕОН и ЛУИ уходят. Входят МОНТОЛОН.

МОНТОЛОН. Что, Альбина? Что с тобой? Твои глаза заволокло слезами.

АЛЬБИНА. О, Шарль! Небо затянуто тучами, опять грохочет гром, сверкают зарницы, и потоки дождя снова готовы обрушиться на остров. Если бы ты знал, как я люблю тебя. Если бы ты только знал!

МОНТОЛОН. О, любимая! неужели это правда, любимая, неужели ты всё ещё любишь меня!

Входит ГУРГО. Из кабинета НАПОЛЕОНА выходит ЛУИ.

ГУРГО. Прежде, чем ехать к Лоу, мы должны поговорить с императором.

ЛУИ. Император желает остаться один.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ СЦЕНА 14

Дом БЕЛКОМБОВ. Ночь. Г-ЖА БЕЛКОМБ спускается по лестнице.

БЕЛКОМБ (входит, с фонарём). Такой мрак, в нём вязнешь, как в болоте.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. Наконец-то, я едва дождалась. Говори скорей, ты был у губернатора?

БЕЛКОМБ. Твоё сердце тебя не обмануло, жена. И Гуффа тоже там никто не видел.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. Бетси, ах, Бетси! Но где же они?

БЕЛКОМБ. Не тревожься, эта девчонка с детства вытворяет бог весть что.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. Вернулась от императора - бледна, встревожена, ну, я подумале, все эти несчастья, этот ужас... А стала она собираться - я сразу поняла, что не на бал.

БЕЛКОМБ. Гуфф с ней, мы можем быть спокойны, остров - её дом.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. Гуфф сумасшедший, что с него взять. Уильям! Кажется, я знаю, куда она ушла.

БЕЛКОМБ (догадавшись). Если бы я не был таким ослом... Но его дом оцеплен солдатами.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. А что, если снова буря? Верни её! Скорее, Уильям, догоним, едем!

БЕЛКОМБ. Нет, душа моя. С ней Гуфф, и худого не случится. Ночь тихая, вот-вот луна всплывёт. А дорогу Бетси найдёт и ночью. Мы не должны, поверь мне. Наша дочь не могла бросить в эту ночь того, кого бросили все.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. О моя девочка!

БЕЛКОМБ. Она пронесёт эту любовь в своём сердце через всю жизнь.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. Какое горе!

БЕЛКОМБ. Пройдут года и эта ночь станет ей сладким утешением. Я горжусь ею. Она станет кому-то ласковой и заботливой женой, какой для меня всегда были и будете вы, моя любовь.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. На какие страдания обрекают себя те, кто любит. Но что же нам делать?

БЕЛКОМБ. А что мы можем, любимая, что мы можем? – Ждать.

Г-ЖА БЕЛКОМБ. И молиться.

БЕЛКОМБ. Только это. Ждать и молиться, любовь моя.

СЦЕНА 15

Лонгвуд. В тот же час.

НАПОЛЕОН. Каждому дню своя черная работа, каждому обстоятельству свой закон, и каждому из нас своя судьба. Бежать через океан – в этом есть нечто возвышенное. Одно сомнение: императорское достоинство. Всё же – в бочке, перед лицом звёзд. Император в бочке. Почему я не погиб у Ватерлоо? Ладно, вообразим – на секунду, но не дольше.

ТЕНЬ КИПРИАНИ (входит). К рассвету ты проберёшься в порт. Утром Маршан наденет твою шляпу и мундир – дремать на виду англичан. К полудню остров уйдёт за горизонт.

НАПОЛЕОН. Обман раскроется!

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Не раньше недели. А через месяц ты в Америке.

НАПОЛЕОН. Америка! Европа вздрогнет, свобода воспрянет.

ТЕНЬ КИПРИАНИ. Америка – твой реванш. (Уходит.)

НАПОЛЕОН. Но – в бочке, как заурядный авантюрист. Быть повешенным в качестве предводителя шайки флибустьеров! Имей я право поддаться чувствам – мог бежать в любое время, десятки способов. Остаюсь – здесь! – стоять, на окраине мира, неммым укором, на страже доблести, – надежная почесть!

(Пауза.)

В камине домовой: у-уу... А жаркое сожрала крыса. Воззвания, "Бюллетени Великой Армии"... Целое поколение отлито по одной великолепной форме. Что в кармане? – Пахнет хлебом. Сухарь! Ха-ха. Император!? – Сон пьяницы! Бисквиты в Тюильри?! – Сухарь, будь я проклят, – сухарь в кармане. Гро, подлинный Наполеон здесь!

(Всматривается в темноту.)

А, плясуны, праздные зеваки, – слетелись, – как в карнавальнй день на площади: ждут переправы. Туман удерживает вас, туман для вас хуже свинца. Всё же, переговоры в Фонтенбло, в четырнадцатом... Мог получить по крайней мере Парму. Скала дрожит - Харон торопит. Огонь ищет выхода, мечется по сумановым областям неба. Надену колпак. Орбита безумия, свобода от обязательств перед обыденным. Как умру, так умру. Солдаты звереют от кровавых зрелищ. Подумаешь, смерть Наполеона, – ещё одно мгновение истории. Шум ветра, блеск молний, ни империи, ни армии. В жилах скудеет кровь, тело как лёд, весь в поту: отравлен, н безнадежно бессмертен.

(Поёт.)

Будь проклят наш святой отец!

Ей-богу, из-за опоздания

Я прозеваю и свиданье...

Всё же, они предпочли бы знать, что я умер с мечом в руке. За мной весь Ахерон, но мне-то что? Я в неволе, а никто пальцем не шевельнет: в Ланна попало ядро, Дюрок упал прямо у моих ног.

(Всматривается в тёмный угол. Молния.)

Боевые колесницы, фаланга, Марс в огне. Варварская речь. Комната полна призраков. Соперники рока, пришли помолчать. Отопри дверь. Я повелеваю! Я, я... Зачем я здесь? Монументы, эпохи, кровь – рекой, города горели, низвергались троны. Минутное торжество. И – ничего. – Шум. Шум в ушах поколений. Провести ночь с прекрасной женщиной под небом, усеянным звёздами - величайшее счастье. Предания, имена, гробницы владык – под толщей небытия. Бежать! Покой – вино без вкуса. Поселюсь там, на Бетельгейзе: Земля мало пригодна для жизни после смерти. Америка, свобода! Умереть от испуга, стать посмешищем веков!

(Вспышка молнии, раскаты грома. Всё трясётся.)

Стихии ликуют: я снова разбит от земли и до крайних звезд. Хочется преодолеть реальность, пойтись бы по Тюильри. Эльба? Цветущий островок. Разбудили льва: отняли сына. И я бежал. Да знают ли они страдания отца. Сын, – камень от груди утёса. А я – здесь! Бежать. Что мне – ха! – добраться до Вены! Увидеть, прижать к сердцу. Бежать. На что мне легенда и вечность. Проклинаю своё честолюбие, ненавижу самое имя: Наполеон...

(На полу, расстилает карту.)

Две-три недели и я в Соединенных Штатах. Там многие нашли убежище от Бурбонов. Построим крепости здесь, здесь и здесь. Образовавшейся колонии дам конституцию и две палаты. Ниагара. Просторы, воздух свободы, новая порода людей. Они отстаивали свободу в битвах и создали образцовые законы, но нет величия в примерах: я вложу огонь в их сердца. В десять лет мы создадим то, на что ушли бы столетия. О, будь у меня сто, тысяча таких, как я. Америка не пожалеет: я из лучшей породы цезарей: той, что строит. А через год высадиться в Европе с шестисоттысячной армией негров. И дать хорошего пинка мадам истории. У, старая шлюха. Я могу. Мне 50, гений при мне, я могуч, как никогда – я, Наполеон!

(Прислушивается.)

Скрипки, звон бубенцов, шум танца. – Она. Обворожительное существо с острова в Атлантике. Боже, она...

52

(Появляется ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ.)

ЖОЗЕФИНА. Шхуна ждёт, беги, не медли!

НАПОЛЕОН. Грация, матовые плечи, золотые обручи на запястьях. Французское изящество и беспечность креолки.

ЖОЗЕФИНА. Не медли!

НАПОЛЕОН. Похорошела. Скрипки! Пляши, смейся! – Кровь в жилах кипела, в моих жилах! – кровь кипела, – кипела... как на оторванных ногах Ланна.

(За портретом шуршание, писк.)

Мои придворные, - отдал на съедение парадный портрет. Смеёшься? А я счастлив: ведь повержен не я: повержена идея.

ТЕНЬ ЖОЗЕФИНЫ. О, Napoli!

НАПОЛЕОН. Простимся. Я положу голову на твои колени, душу примет Ахерон, а тело - могила, и пусть дух возносится к звёздам.

ЖОЗЕФИНА. Лишь небо осталось непокорённым.

НАПОЛЕОН. Даже звёздная империя ничто без тебя. Быть за пределами жизни без уверенности встретиться? – моё мужество не идёт так далеко. Дым сражений, грохот пушек, атака, ржание коней. Летели в воздух обломки ружей, щепы лафетов, кивера, окровавленные куски людских тел – горы трупов, стоны раненых – и гордо поднятое знамя! Под пулями, в седле, пишу – тебе, о своей любви. Моя вечная любовью. А Итальянский поход?! – сколько поэзии! Evviva il liberatore! Да здравствует освободитель! Сейчас. Твои письма. – Возьму с собой. В шкатулке. Пахнут порохом! Ни дня, ни ночи, когда бы я ни держал тебя в своих объятиях. Остывшие листья. Как мёртвые. Но – запах! О, твой запах! Жаркое дыхание, горячее тело. Сдерживаю рыдания, не могу говорить.

Возлюбленная тень. Пстой! Пстой! Где ты?.. Жозефина... Ах, да. Ты умерла. Снюсь сам себе. Задыхаюсь, не могу говорить. Просыпаюсь в слезах. Слёзы Наполеона, – последнее сокровище, которым владею неоспоримо. Хотя бы одной могилой меньше. – Стук в дверь? А вдруг Луиза? Ведь ты жива? Луиза! Ведь она не умерла? – За дверью, в бурю – Лу! В саду, продрогла.

Открывает дверь в сад. Молния, раскаты грома. Появляется БЕТСИ.

БЕТСИ. Тише, ваше величество, тише. Я Бетси, я...

НАПОЛЕОН. Невозможно. В белом платье, в ливень! Луиза! Маленькая девочка...

БЕТСИ. Да, да, я ваша Лу! Но тише, вам грозит опасность.

НАПОЛЕОН. Дай мне ещё раз заглянуть в твои глаза тихо, блаженно!

БЕТСИ. Очнись, брось этот остров! Зачем вы не сбежите?

НАПОЛЕОН. Лу, моя Лу! из всех людей на свете жалею и люблю тебя лишь я, я люблю тебя, я, твой несчастный муж! – Его смех! – Что, – мой сын? – Желанное мгновение: мой сын!

БЕТСИ. Что я наделала! Очнитесь, мой бедный, мой любимый!

НАПОЛЕОН. Лу!.. Мои детки! Я ваш несчастный отец! Сынок, мой мальчик! – Голос! Где он? – Но – как? – на острове?! Зовёт!? Нет!.. – Сюда, в мои объятия!

(Молнии, рёв бури. Рыдая, НАПОЛЕОН падает на пороге, простёртыми руками обнимая БЕТСИ и МАЛЬЧИКА лет 10, который бежит в его объятия, кричит: «Папа! Папочка!» Молнии.)

Сколько раз я думал: приехала бы ко мне Луиза с сыном! В иные минуты отирала бы с нежностью мои благородные слёзы. Я был бы счастлив: ведь сын при мне. Бежишь по Тюильри, смеёшься–заливаешься: «Мой папа император!» Смеёшься, колокольчик, – «Мой папа...»

МАЛЬЧИК. Мой папочка! Папочка!.. Миленький папочка!..

НАПОЛЕОН (сквозь громовой раскат). Быть погребёнными в одной могиле!..

БЕТСИ. Нет! Нет! Прощайте, прощайте! (Убегает.)

МАЛЬЧИК (убегая за БЕТСИ). Мама! Мамочка! Мамочка?!..

Блистают молнии, гремит гром. Появляется ЧАСОВОЙ, – замер в растерянности, закрывает дверь.

НАПОЛЕОН. Полночь. Колонны начали движение, надежда на победу оживила сердца. С первыми лучами армия перейдёт Ахерон. Робер, Мюирон, Бельяр! – Адъютанты, пали, закрыв меня собой. Тысяча двести орудий. Грома и молнии поют хорал. А спать лучше на биваках, чем в палатке, ногами к огню. Огонь осушает под тобой землю, и ты не заболеешь. Два месяца не позволяли принимать горячую ванну. Потомки не простят Англии бобы... Скрипки, шум танца. Тетя Гертруда, кормилица Камила, бабушка Саверия. А Джакоменетта? – Жива ли? Была ли счастлива в жизни? Моя маленькая подружка.

Napoleone di mezza calzetta

Fa l'amore a Giacominetta!

Ну, а я... Я был величайшим из смертных. Могущественный властелин прекрасной планеты. Я правил прекраснейшим народом. А имя – самое нелепое: Наполеон Бонапарт. "Fa l'amore a Giacominetta!" Так нас дразнили мальчишки с улицы Маль-Эрб... Я должен был погибнуть у Ватерлоо!

(Дверь открывается, входят ГОРРЕКЕР и ЧАСОВОЙ.)

НАПОЛЕОН. Кто вы такой?

ГОРРЕКЕР. Майор Горреккер.

НАПОЛЕОН. Что вам нужно, майор?

ГОРРЕКЕР. Мне приказано убедиться в вашем присутствии... ваше величество.

ГОРРЕКЕР и ЧАСОВОЙ ходят.

НАПОЛЕОН. Тихо. Опять снилась Индия. Мир лишился пьянящих переживаний: Наполеон не был в Индии. Небо, которое видел Александр. В этом его единственное преимущество перед Наполеоном. Интересно, побываю ли когда-нибудь? Ну, не как завоеватель, конечно, а как частное лицо. Главное – увидеть, побеждать – не обязательно. Погода ужасная. Льёт непрерывный дождь, ветер угрожает всё снести... Белокрылые видения. Моя фаланга. Что в стакане? Понимаю. Проигранное дело. Хлористая ртуть и оршад. Смертельная комбинация. Но – приходится молчать: подозрения бесчестят меня. Весь дрожу. Холодно. Такой исполин, как я, не должен гнутья.

(Подземный гул нарастает. Часы бьют полночь.)

Молнии кровавыми вспышками озаряют небо, земля дрожит. И предсмертный хрип титана сотрясает твердь. Дошёл до крайнего дерзания – труд, невысказанный для смертного: коронация огнём!

СЦЕНА 16

Широкая терраса Колониального Дома с лестницей в парк. Оркестр; среди танцующих в зале пар МЭРИ и ГУРГО. На террасе несколько морских офицеров, слуги с подносами. Ночь.

Входят ГРАФ БАЛЬМЕН, БАРОН ШТЮРМЕР, МАРКИЗ МОНШЕНЮ, закуривают сигары.

ГРАФ БАЛЬМЕН. Однако, надёжно ли защищён остров? Если в следующий раз десант предпримет высадку с двух сторон, Наполеон может бежать.

БАРОН ШТЮРМЕР. Мы так же покидаем остров в тревоге.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Господа, Наполеон – перевернутая страница истории. Мир ждёт от него лишь одного: смерти.

Входят АЛЬБИНА и МОНТОЛОН.

АЛЬБИНА. Этот дворец укрыт от ветров, холодный источник, лианы, пальмы, на ветвях обезьяны. Но всё в нём нелепо и пошло.

МОНТОЛОН. Зато нет крыс. Ненавижу крыс, туманы, вонь из-под пола... Музыка, счастливые лица. – Взгляни на Гурго.

АЛЬБИНА. Я нахожу Мэри дурнушкой. А хозяйка – судомойка во взятом напрокат платье. Учила меня, как омолодить порыжелый шёлк: кипятить в уксусе с прокисшим пивом. Шарль, ты сжимаешь мне руку, мне больно.

МОНТОЛОН. Прости.

АЛЬБИНА. Ты будто кого-то увидел? Кого?

Входят ЛОУ и РИД.

ЛОУ (входя). Учитывая обстоятельства этого дня, не кажется вам подозрительным, что все они здесь?

РИД. Похороны слуг не повод носить траур. А наш навязчивый визит к Бонапарту – долг службы. Пытке скукой в его обществе они предпочли танцы.

ЛОУ. Что ж, пусть воет от одиночества до самого рассвета в своём крысятнике.

РИД. Послы держав, ваше превосходительство.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. На ступенях парижской оперы убит наследник трона Франции. Линия Бурбонов пресеклась. В этой связи не лишнее напомнить об опасности предоставления свободы человеку, который уже доставил миру столько хлопот.

ЛОУ. Я не исключаю новых попыток освободить его, но заверяю вас, господа, этот беспокойный мсье под надёжной охраной.

БАРОН ШТЮРМЕР. В ваших руках, сэр Лоу, мир и покой цивилизации.

ГРАФ БАЛЬМЕН. Бонапарт на свободе – последствия сравнимы разве что со всеобщим землетрясением.

При последней фразе входят ГУРГО и МЭРИ.

ГУРГО. Народы никогда не смирятся с неравенством. Их невозможно примирить с несправедливостью.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Человечество нуждается в покое более, чем в справедливости, мой генерал. Удел черни труд и смирение. Мы раздавили революцию, но её призрак по-прежнему тревожит умы. Наполеон – буря, сконцентрированная в одном человеке.

ГРАФ БАЛЬМЕН. Сломите его волю, сэр Лоу, и вы развеете мечты безумцев о невозможном на земле – о равенстве и братстве. (Притворно кашляет.) Эти два слова застревают в глотке.

ГУРГО. Как низки эти люди: порочат доблесть. Что бы ответил император, Луи?

ЛУИ. "Их зубы вгрызаются в гранит", - думаю, так, генерал.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ берёт под руку МОНТОЛОНА, отводит в сторону.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Вам 36, вы рискуете вернуться во Францию в седирах. Но даже милость монарха не спасёт вашей чести, если вы вернётесь со Святой Елены нищим: деньги из полковой казны...

МОНТОЛОН. Это неправда. Я невиновен. Меня оклеветали умышленно.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Наполеон сказочно богат. В Европе он оставил громадные вклады. Теперь он в роли богатого дядюшки. Станьте любимым племянником и...

МОНТОЛОН. Я не желаю слышать.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Узурпатор должен умереть. Ваша жена его любовница. Письмо барона Симонвиль к дочери. Прочтите и передайте жене. Барон один из ближайших людей к трону. Что делает на острове его дочь? В какое положение она ставит отца! Ваш род, ваши дети смогут располагать всеми благами, которыми может одарить человека верховная власть.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ отходит от МОНТОЛОНА.

БАРОН ШТЮРМЕР (за спиной русского посланника). Жаль, что Бонапарту не удалось удавить русского медведя.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Если бы он уничтожил Россию, ему бы многое простилось.

ЛОУ и Г-ЖА ЛОУ.

ЛОУ. Почему нет маршала Бертрана?

Г-ЖА ЛОУ. У Фанни нервы. Она хочет утопиться. Думаю, мы сделаем это вместе. Злодей, вы лишили меня счастья принимать у себя моего кумира. Один вечер и я была бы вознаграждена за двадцать лет супружества.

ЛОУ. Жаль вас разочаровывать, мадам, но этот человек вами пренебрегает.

Г-ЖА ЛОУ. Интриган.

ЛОУ. У меня есть доказательства. Он что-то говорил о вашей внешности.

Г-ЖА ЛОУ. Я вам не верю. Потому что хорошо знаю ваши уловки.

ЛОУ. Поверьте, это так. Он гордец, вы не в его вкусе. На вашем месте я бы...

Г-ЖА ЛОУ (наступает ЛОУ на ногу). Ах, прости, дорогой. (Отходит.)

РИД (ЛОУ). Вы это здорово придумали, сэр.

ЛОУ. Через пару дней она возненавидит Бонапарта. Итак, Рид, три убийства. Кто из них?

РИД. У каждого могут быть свои причины желать ему смерти.

ГУРГО и МЭРИ.

ГУРГО. Во всём мире у меня остались только вы.

МЭРИ. Если так, то впредь вы должны получать лишь мои награды.

ГУРГО. Клянусь всем, что свято, мой ангел – только ваши.

МЭРИ. Хотите, я покажу вам, где спят обезьяны?

Г-ЖА ЛОУ. Мэри такая душечка, невинная как грудной младенец. Посему я последую за ними в сад, и не спущу с неё глаз и, буде положение станет серьёзным, разом всё изменю.

ГУРГО и МЭРИ уходят, за ними – Г-ЖА ЛОУ.

АЛЬБИНА и МОНТОЛОН.

56

АЛЬБИНА. Доблесть в плену у мещанства. Не узнаю Гурго. Израненный бурями дуб пустил побеги. В Париже он имел бы достойный выбор.

МОНТОЛОН. Остров изменил всех нас. Тут всё иначе - мысли, вкусы, даже сны. С некоторых пор и я не узнаю тебя.

АЛЬБИНА. О, Шарль, мы, женщины, всего лишь полые существа, и бог создал нас чтобы укреплять вас, мужчин. - Почти библейская истина, евангелие от Святой Елены.

МОНТОЛОН. Ты никогда не говорила так.

АЛЬБИНА. Я не могла знать этого в Париже.

МОНТОЛОН. Да, я не переходил с ним Альпы, не закрывал собой от пуль, но... Этот кошмар должен, наконец... Альбина! Ради наших детей, – жить, жить! – и всё забыть, забыть проклятый остров, его туманы, бури, злые ночи и проклятые сны! Всё, всё забыть!

АЛЬБИНА. Париж без императора. Да и как забыть, Шарль, как?

МАРКИЗ МОНШЕНЮ подходит к АЛЬБИНЕ.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ (тихо). Любить падшего цезаря – вы испили даже эту чашу. Вы увлеклись больше, чем обещали. Что я отвечу вашему отцу? Вы разбиваете отцовское сердце. (Отходит.)

Возвращаются ГУРГО, МЭРИ и Г-ЖА ЛОУ.

Г-ЖА ЛОУ (входя). Служанки пьют пиво, оно горячит им кровь, и они сходят с ума по мужчинам. Я поколотила двух своих арапов: они под утро не давали мне спать: играли на каких-то диких дудках. А я этого терпеть не могу.

ЛОУ. Как вы находите этот бал, генерал?

ГУРГО. Такие вечера помогают забыть многое, ваше превосходительство. Сэр, император Наполеон всё ещё не получил мраморного бюста сына.

ЛОУ. Видите ли, я в трудном положении. В перечне предметов, которые пленному позволено получать, не предусмотрена скульптура. Бонапарт строптив и заносчив, ему давно пора быть поговорчивей. Однако, я рад оказать любезность вам лично, генерал. Я велю прислать бюст. Не благодарите. Пустое.

Г-ЖА ЛОУ (АЛЬБИНЕ, тихо). Я хочу, чтоб вы знали: это не сын императора.

АЛЬБИНА. То есть как?

Г-ЖА ЛОУ. В Лондоне кто-то счёл очень остроумным подменить бюст на другое изображение.

АЛЬБИНА. Неужели такое возможно? Какая гнусная низость.

Г-ЖА ЛОУ. О, эти наши мужчины. Они ещё и не на такое способны. Я ухитрилась выкрасть письмо сына к отцу. Я вам пришлю. Строки размыты, на них следы слёз. Прощаясь с секретарем, он утащил его в нишу окна и сказал украдкой, горячим шёпотом: «Скажите моему папе, что я его очень, очень люблю!»

АЛЬБИНА. Как мне благодарить вас?

Г-ЖА ЛОУ. Устройте мне встречу с императором. Я хочу убедиться, действительно ли он великий человек?

АЛЬБИНА. Всё, что в моих силах, ваше превосходительство.

Г-ЖА ЛОУ (сама с собой). Но если правда то, что он дерзит на мой счёт...

РИД и ЛОУ.

РИД (ЛОУ). Графиня Монтолон само очарование. Ну и женщина.

ЛОУ. О чём вы?

РИД. Она смотрит на вас, в глазах прямо огонь.

ЛОУ. Это пьяная шутка? Где? Хм. И-и, какая штучка.

РИД. Потерять любовь такой красавицы стало бы для Бонапарта катастрофой. Победа, достойная победы Веллингтона. Какой взгляд, сэр, - улыбнитесь же ей.

ЛОУ. Вы полагаете? Где мой лорнет?

Г-ЖА ЛОУ (проходя мимо). Дорогой, ты что, решил соблазнить графиню?

ЛОУ. Это придумал вот он. Ради Англии. Заставить Наполеона ревновать.

Г-ЖА ЛОУ. Скажу тебе как женщина, честь Англии, была бы в большей безопасности, если бы ты приударил за дочкой аптекаря и отбил её у слуги императора.

ЛОУ. Попридержите язык, мадам.

Г-ЖА ЛОУ. Как говорила моя мама, даже если приделать свинье перья, ей не стать птичкой.

ГУРГО и МЭРИ.

МЭРИ. Неужели в битвах вы не испытывали страха?

ГУРГО. Нам было не до страха, мисс Мэри. Восторг пересиливал смертные чувства.

МЭРИ. Восторг? Но разве война похожа на картину или на водопад?

ГУРГО. Сражение – как тысячи огненных бурь. Огромность зрелища битвы торжествует над всеми чувствами. Под Аустерлицем, под Москвой гремело более семисот орудий, под Дрезденом более тысячи двухсот. Война – работа. Бывало, император не снимал сапог по пятнадцать дней. Среди снега, грязи, без вина, без хлеба – картошка и конина. Марши, контр марши. Бьемся под картечью или штыковым боем. Раненых везут в открытых санях - война изо всех сил, во всем её ужасе.

БАРОН Б. Не кажется ли вам, что это напоминает восстание ангелов на бога?

ГУРГО. Что ж, бог видел нас во всей нашей ангельской мощи. И мы были прекрасны.

Г-ЖА ЛОУ. Но – столько страданий, крови. – Зачем?

ГУРГО. Поколение революции – люди особой породы.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Особая порода? А что это значит, генерал?

ГУРГО. Честь и совесть были для нас превыше жизни. Мы расставались с ней не раздумывая, когда того требовали обстоятельства.

МЭРИ. Разве не жаль умереть в расцвете сил, от страшных ран? Смерть так ужасна.

ГУРГО. Мы могли бы умереть от болезней, от работы, от голода или пьянства.

БАРОН ШТЮРМЕР. Куда приятней умереть на собственной кровати, среди роскоши, вкусив всех прелестей жизни.

ГУРГО. Маршал Ланн говаривал: гусар, доживший до 30 лет не гусар, а дрянь. Смерть от пули в грудь или в голову мы тысячу раз предпочли бы смерти на пуховой перине. То было время, когда всякий покраснел бы, преследуя шкурные интересы.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Да вы поэт, генерал, опасный поэт. Ещё один лорд Байрон.

ГУРГО. Мальчишками мы ловили каждое слово с полей сражений, зачитывались «Бюллетенями Великой Армии». Наполеон сводил нас с ума. Казалось, благодаря ему всё стало возможным. До него люди жили слепорожденными. Наша жизнь была назначена к бою, сердце жаждало бурь. Мечты овладели умами, оковы пали, души окрепли. Мир изменился до неузнаваемости.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Что же это за сокровища, которыми мир обязан Наполеону?

ГУРГО. Величие души и любовь, битвы и подвиг, борьба и смерть. В пустыни умирали от жажды, в лёд обращались на русском морозе – но ни жалобы, ни единого взгляда укора. Это путь в бессмертие, маркиз.

БАРОН ШТЮРМЕР. Бессмертие дорого обходится. Вы заплатили непомерную цену.

ГРАФ БАЛЬМЕН. Вы переплатили, мсье, ха-ха-ха.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Благодарение богу, всё это позади. Теперь в Европе мир и в нём царит Россини.

МЭРИ. О, Каспар, взгляните на зарницы! – Что с океаном!

ГУРГО. Светится изнутри.

МОНТОЛОН. Чёрным огнём.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Дивное зрелище. Удивительное небо.

МЭРИ. Ещё, ещё зарницы!

ГУРГО. Вершина Дианы как раскалённый металл.

АЛЬБИНА. Удивительно и страшно.

Г-ЖА ЛОУ. Гребни волн сверкают, да, горят чёрным огнём.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Похоже на Инферн!

МОНТОЛОН. Альбина, я ненавижу этот остров.

БАРОН ШТЮРМЕР. Господа, не прокатиться ли нам напоследок по аду? Мою карету! Мою карету! Едемте, господа, едемте все!

ЛОУ. Прекрасная мысль - по аду! Рид, велите подать мой экипаж. Позвольте предложить вам руку, графиня.

АЛЬБИНА подаёт руку МОНТОЛОНУ. ЛОУ предлагает руку Г-ЖЕ ЛОУ, но она уходит с ЛУИ.

СЦЕНА 17

Ночь, свирепый ветер, луна за чёрными облаками. Над пропастью тропа к гроту. У грота – сосна, извивистые корни, сплетаясь, впились в скалу; туман клубится, из глубины расщелины – рёв волн, в вышине - пик Дианы. Когда бьют молнии, кажется, что огонь стекает по склонам в океан.

НАПОЛЕОН. Посчитать мёртвых, помочь раненым! Вернуть жизни достоинство! Веллингтон, чёрт бы тебя взял! Ни неба, ни земли. Куда идти? – стена. Где ангел, что парил над нами? Я одел стихию в гранитные берега, я изменил лицо Вселенной. Я завернул потомков, как детей, в мою императорскую тогу.

(Молния бьет в сосну.)

Оскорбляя непочтительностью смерть, оскорбляют самого Творца. Страх смерти – непочтительность! Жилец двух миров, – кто даст мне руку? Мы вырвем Францию из рук негодяев и мир из власти безумцев!

(Ветер сбивает его с ног.)

Сколько я повидал прекрасных смертей. Бывала такая смерть, что одна придавала самый высокий смысл самой пропащей жизни. Ко мне, дети мои!

(ТЕНИ освещают путь НАПОЛЕОНУ факелами. На длинном древке – знамя Франции, пробитое и чёрное от порохового дыма, с литерой «N» в лавровом венке. Шум обвала, крик испуганной птицы.)

Взъярилась божья твердь - на старика! – бездомный побродяжка. Не испугать, не удивить – всего я навидался. Что за тень? – Орла вспугнула буря. Торжество земное! – стережёт океан и небо зорче стажи. Полмира я завоевал и утратил, а рад пещере. Замшелый крест. Галлей! – Всё связано единой цепью, всё в руках незримой власти. Ты сорок лет ждал некую комету? – пророчество сбылось, проклятый маг: по манию небес твоя комета над твоей могилой! О проклятье!

(Молнии во весь горизонт.)

И та же тень: под ветром, на краю, стоит – не дрогнет, – призрак, парит над бездной! И слепому внушит почтение и трепет, и молнии его обходят. - Походка, все движенья, лопни мои глаза, я сам перед собой - загробной тенью! Приз неба? последний дар судьбы? Пугай кого другого. Эй, толстожопый, шутишь, чтоб дал тебе уйти? Я смерть щипал за ноздри. Будь ты сам дьявол – ни шагу дальше! (Уходит.)

59

(В зареве кровавых молний ПРИЗРАК НАПОЛЕОНА проходит над обрывом, затем входит НАПОЛЕОН.)

Прошёл над бездной словно по балкону. Почти как человек, твёрд шагом, лицо от ветра заслони́л рукой. О, ад силён тенями! Мне впору спятить. Из чёрной глубины – знамёна и орлы, гарцуют командиры, не кони – пламя! Он на уступе – император стихий! Ты среди них по праву: мёртвым принадлежу больше, чем живым. Могильный крест и зарево пожаров!

(Припадает к кресту.)

Какое слово достойно бури, звёзд в ночи и этого видения? – Мистерия стихий! Взрывы далёких и близких звёзд, столкновения астероидов и комет с планетами, Солнце, готовое взорваться в любой момент! Я бывал в разных странах, я пристально наблюдал людей. Он бывает ленив как животное, – человек, и так гадок – право, в иные минуты не достоин быть. Но стоит оживить воображение, указать далёкие высоты – и он творит историю, и создаёт прекрасное, преображается, ничтожный, в бессмертного героя. Землетрясения, ураганы, метели России, – как если бы мы восстали на Бога! Но – революция! Какое зрелище! Стихия духа!.. Бездонное небо, глухой стон раскатов... Где фляжка? Согрею душу. Ноги вросли корнями. Труби привал, сынок... Что ни говори, а революция – прекраснейшая из стихий, - вулканы человеческого духа. Без неё мы – ленивое стадо. Свобода, Равенство, Братство! – В каждом слове мощь молний. Воображение,

взметнувшееся бурей. Жертвенность, героизм, столкновение смерти и экзальтации. Ещё глоток... Франция имеет право гордиться своей революцией. Европа помолодела на тысячи лет. Она стряхнула пошлость последних веков. Народы приобрели горделивую осанку, молодежь была проникнута патриотизмом. Великая революция. Великие мужи. Славные тени, мы завещали потомкам красоту человеческого благородства, подвига, достоинства!.. – Труба! Ней на коне! Полки на марше, в боевом порядке. Жар славы пожирает смерть. На Ахерон!..

(Отсечённая молнией, часть скалы отделяется и летит с грохотом в пропасть.)

А, «потрясения»? «спокойствие сограждан»? Что, «не нужна революция»? - Ничтожные твари, вы узнаете своего хозяина: могильный червь под зелёным мхом. Эй вы, дельный молодой прохвост, и вы, изрядная старая шельма! У, ночная сволочь, - чернят революцию и меня, её императора! Извлекатели квинтэссенций, каинов род, каналы! Что говорить, кучка сытых всегда сумеет заставить молчать массу голодных.

(Сквозь шум и вой ветра гновениями слышатся звуки оркестра.)

Быть может, революция не приносит счастья, быть может, она вообще бессмысленна, – но не более, чем буря на море. Свирепые волны и ветры, вздымается громадный океан, и спит до срока вулкан, и падает звезда – всё пропитано поэзией!

(Появляются ТЕНИ.)

МАРЕСКО. Сир, надо торопиться!

ТЕНЬ НЕЯ. Порт – рукой подать, фортуна в ожидании!

НАПОЛЕОН. Идут! Рвёт ветер знамёна, блистают молнии, океан глотаёт их, и звёзды падают в него как в вечность. Призрак! Отлит из бронзы, стоит – не дрогнет. Ревут, как звери, волны, туман чёрных глубин! Легионы непобедимых, одарены могуществом львиным, – на Флегатон! Под покровом тьмы и ночи безлунной, – тени, отвергшие смерть! Такого не увидишь, пока живешь: величие высшей пробы. Пусть я низвергнут – святая революция блистает кровавой молнией – молнией на моей короне!

СЦЕНА 18

На борту шхуны. КИПРИАНИ на кровати. Входит КАПИТАН.

КАПИТАН. За бортом не меньше десяти шлюпок: офицеры, возвращаются на корабли после бала. Ругают губернатора. Сожалеют, что ещё ни разу не видели императора.

КИПРИАНИ. Император в пути три часа. По времени он теперь у грота. Самый трудный подъём. Свирепый ветер и камнепады.

КАПИТАН. До рассвета меньше часа. Успеет ли?

КИПРИАНИ. В порту я его встречу. Там есть, где спрятаться. Таможня с нами. Он сядет в шлюпку, а я останусь.

КАПИТАН. Ты болен, Джузеппе, у тебя жар.

КИПРИАНИ. Всё пройдет тихо и буднично.

КАПИТАН. Нет, друг, ты обессилен, и ты бредишь. Пойдет другой. Нам не нужны сюрпризы. Если тебя узнают, Наполеон будет схвачен и убит.

КИПРИАНИ. Холодно. Холодно. Я слишком долго пролежал в гробу. На Корсике это старый дедовский способ заставить врага врасплох, чтобы прикончить. Когда-то я пролежал в могиле двое суток... Холодно... Главное в этом трюке – чтобы могильщики не сплеховали. Дождь, потоки воды. Мне казалось, я плыву подземной рекой, среди теней... даже сейчас они... даже сейчас... мёртвые, мёртвые...

МАТРОС (входит). Волна усиливается, капитан. Мы все готовы.

КАПИТАН. Я должен получить разрешение таможни и вернуться к шлюпке. Мы подберём Наполеона у причала, англичане этого не ждут. В море нас досмотрят, к вечеру мы изменим курс. Ты останешься на острове.

МАТРОС. Я не пропаду.

КИПРИАНИ. Туман. Император! Прикажите спустить шлюпку. Мы пройдем!.. Император!..

КАПИТАН. Джузеппе, ты узнаешь меня? – Он бредит.

КИПРИАНИ. Скорей, скорей, промедление – смерть. В тумане... Я жду тебя, я жду... я среди мёртвых.

МАТРОС. Как он?

КАПИТАН. Скверно. Жар. Ему не выжить.

КИПРИАНИ. Император... император...

МАТРОС. Остров окутан туманом. Ясно виден лишь пик Дианы.

КАПИТАН. Шлюпка подойдёт правее мыса. Единственное место, где можно причалить – здесь. Джузеппе, ты слышишь меня?

КИПРИАНИ. Мы выстоим лишь возвышая свой дух! (Вскакивает.) Мы пройдем! (Падает.)

МАТРОС. Капитан, он не дышит. Он умер.

КАПИТАН. Мы выстоим, Джузеппе. Наши мольбы за императора. Да поможет ему Бог.

СЦЕНА 19

Порт Джорджтауна. Незадолго до рассвета. Мутная луна за чёрными тучами. Ветер утих, мерные раскаты волн, туман у берега. Улочки, бегущие с горы, пустынные. Петухи предвещают рассвет, лай собак. Над дверью двухэтажной таверны, расположенной к причалу ближе прочих домов, – фонарь, на вывеске – «Iron Duke». Кругом фургоны, тюки, бочки; вдали – корабли на рейде. Из таверны смех, гитара – поют на итальянском.

Опираясь на палку, входит НАПОЛЕОН.

НАПОЛЕОН. Итальянская песня. Как давно я не пел на родном языке. Italiano, Corsica. Di notte, di sogna. Ночи, мечты – мечты мальчика на скале у моря. И та же луна, и запах порта, и корабли на рейде, и так же звёзды гасли, – как в детстве.

(Читает вывеску, заглядывает в окна таверны.)

«Iron Duke». «Железный Герцог». – А, Веллингтон! До Ватерлоо я полагал, у него есть талант полководца. Грудинка на огне. Нет, баранья лопатка. Глоток горячего б вина. В карманах – пусто. «Iron Duke»! Неужели найдётся, кто предпочтёт быть им, а не Наполеоном? А в будке – часовой, храпит себе, «мамзель», ха-ха, не знает, кого стережёт.

(С подозрной трубой.)

Свобода, – её мачты. Шлюпка, волны хлещут за борт, едва гребут. Шестеро, капитан на корме. Постыдный возраст – ноги дрожат, Альпы дались легче. Туман, и – Марсельеза, песнь теней. Свобода, Мареско, свобода... и водопады. А сердце – вскачь: мечты – лихой наездник. Укроюсь, ждать, ты – на часах, мой мальчик.

(Прячется, за бочки, подсматривает.)

Ах, чёрт, за бочками целуются. Свидание. Нежный шёпот, ласковый взгляд, он – вылитый Мареско. (Крестится.) Пустое, – раздавлен лошадьми. И всё же... он. Нет... Он, мой стрелянный! Лет им – дети... Боже, могу поклясться. Дух воззвал из бездны; плоть и

кровь; из тысяч бы узнал. Нашёл, чего бояться: Мареско, мёртвый ангел, курьер с повелением любви! Чёрт, в голове мутится; ждут, легионов верная стража. Что ни говори, а тенью быть надёжней. Целуются. Свидание. Он юнга, она креолка, глаза – миндаль, черна, как ночь; точно лианы, – руки вокруг шеи, – само проклятье. Помню одну такую же, в Каире, глаза – чёрное солнце, – дьяволица. Но... опасался славы Олоферна. Однако, сходство – вылитый Мареско. Безумие мутит мне дух. Воркуют. Умилительно. Редуют тучи, луна меня уж ищет, а шлюпка далеко. Но... дух мутится. – Любовь, – любовь, что сильна как смерть, любовь – часовой на моём пути!

(МАРЕСКО играет на гитаре, ДЕВУШКА танцует с бубном, затем уходят.)

Юнга, морской бродяга, кровь воина. Океаны, бури, острова, горизонты, дом – звёздные чертоги, – кто удержит! В резерве – надежда, – кров бездомных. И я любил, – хотелось жить возвышенно, а глядя на меня и всем хотелось встать на цыпочки. Дышать для Жозефины – вот история моей славы. Пошли обнявшись. Любовь! А я, ха-ха, – пожар в соломе: велик, но бессилен. Глаза закрою – снова еду на лошади. Еду – медленно, туман стелется, ночь окутывает землю мраком, загораются звёзды. Поля сражений! Еду... Нет тишины торжественней, тишины возвышенней: слышно, как дышит смерть. Еду, всматриваюсь с жадным вниманием: застывшие глаза, смертная пелена на лицах. Лунная ночь, последний смотр. Взрытая снарядами земля, лошади окоченели – копыта, вспоротые животы. Повозки разбиты. У вражеской батареи гора кровавых тел. Ни любимых детей, ни жён, ни старых родителей – ждут видеть императора их мёртвые очи. Поля сражений! Никто не в праве судить нас. Наша жизнь пошла в уплату величию человеческого рода. Волшебная эпоха. Видения, голоса мёртвых. Любовь и величие – оправдание и искупление. Поэзия, созданная кровью и смертью. – Еду, часы летят как столетия, ветер, дождь бьют в лицо, снег покрывает меня и лошадь пеленой, сам себе кажусь призраком. А в небе уж меркнет месяц, и звёзды зовут ко сну отлетевшие души... Любовь, испитая до дна, – поля, туман и смерть, – всё, что досталось от любви.

(Пушка. Крик чаек.)

Зорю бьют. Шлюпка у берега. Мистерия дня. – В Америку! – Волна на левый борт. – Слава осмеяна, восславившие свободу оплётаны, доблесть вызывает недоумение. – Действовать! – Народы вернули в рабство, души опалены смирением. – Волна! Налечь! – Пастыри ничтожны, суждения безнравственны, устремления отвратительны. – Солнце! Пылают океан и небо. – Жить напряженной мыслью, со страстью познаний, и – действовать! действовать! дей...

(Немая сцена.)

Когда б... Когда б не эта ночь. Когда б не тени. Когда б не Флегатон! – Там, на берегу, точно вышел из волн, – он, призрак, исполнен того же величия. В сравнении с ним – что грек, мой вандомский колосс. Где Марсельеза? – Молчанье. – Песнь славы? – ни звука. А Призрак... О, ****ый сын, твою мать, нет, ты не призрак. Судебное решение об умопомешательстве: то Гуфф, чтоб я сдох, – Гуфф в моей шляпе, «ваянье стихий».

(Сардонический смех.)

Предстань мы оба в этом обличии на суд потомков – не миновать мне порки. А шлюпка близко. Заметили, и правят на него. Величие в этом мире столь неправдоподобно – у Гуффа шанс увидеть Ниагару. Меня ж продали б в рабство – чесотка, плети, цепи. Кости омоют дожди, луна кинет луч с лазоревого неба. Старый ворон, клянусь Парижем, не

поверишь, в чьём черепе ты долбишь клювом. О, сумасшедшие мира, я ваш святой покровитель.

(Хватает палку.)

Украл корову, шляпу, показалось мало, - теперь и водопады. Мошенник, вор. Эй ты! – Идёт! Неужто я не сплю? Что делать? - А, ещё спрашиваешь, что делать?! Мне эта шляпа дороже короны! Мне в этой шляпе кивали столетия! – Идёт, а в руках палка! Ну почему я не погиб у... Ну, б****ий выродок!..

(Засучив рукава, уходит. Шум драки. Входит ГУФФ. Пауза. ГУФФ уходит. Входит НАПОЛЕОН, раздет и бос, держась за поясницу.)

Ещё одно Ватерлоо.

(Крик осла, цоканье копыт.)

Двое на осле, священник Вильяни и гробовщик, - к покойнику, поутру, за добычей. Я бы отдал пол-Польшу за осла. Да хоть бы и всю Польшу... Три кареты. Будь, что будет.

(Крик осла, цоканье копыт, смех: «Crezi Guff!». В НАПОЛЕОНА летят комья грязи. Слышно, как останавливаются кареты. Вдали появляются ЛОУ с женой, РИД, МАРКИЗ МОНШЕНЮ под руку с АЛЬБИНОЙ, МОНТОЛОН, ГУРГО, МЭРИ и ЛУИ.)

БАРОН ШТЮРМЕР. Мы на краю света, господа. Какой великолепный инферн, не правда ли?

АЛЬБИНА (МАРКИЗУ МОНШЕНЮ). Вдали от пороков вы помолодели, крёстный.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ (АЛЬБИНЕ). Так что же передать вашему отцу, дитя моё?

ЛОУ. С небом делается что-то непозволительное.

Г-ЖА ЛОУ. Дорогой, я никак не подозревала в вас поэтических струн.

МОНТОЛОН. Тучи – за тучами огонь и кровь.

МЭРИ. Каспар, вы видели подобное?

ГУРГО. Под Лейпцигом. Не тучи – лава. Император взмахнул перчаткой – и тысяча двести орудий дали залп.

Г-ЖА ЛОУ. Генерал Гурго сделал предложение нашей дочери. Но муж должен обдумать. Скажите, а какое у генерала состояние?

АЛЬБИНА. Почти никакого - только шпага, честь и слава.

ЛОУ. Рид, что за шхуна в тумане?

РИД. Отплывает в Америку: рабы и скот. Я заказал для вас десять рабов, сэр.

ЛОУ. Кто это?

РИД. Гуфф, ваше превосходительство, раб Белкомба. Он никогда не спит.

ЛУИ (НАПОЛЕОНУ.) Пошёл, свинья!

МЭРИ. Мама, тот человек совсем голый.

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Ха-ха. Как ловко судьба напоследок щёлкнула по носу Бонапарта!

Г-ЖА ЛОУ. Я подала б ему, но он такой противный.

ЛУИ. Пошёл прочь. Прочь, собака!

ГУРГО. Позвольте предложить вам руку, мисс?

МЭРИ. Неужели земля в самом деле ни на чём не держится?

АЛЬБИНА. Хочется спать. Ночь промелькнула точно сон. Шарль, я волнуюсь за детей.

ЛОУ. На рабов цены подскочили вдвое. К чему мы идём, Рид? Что нас ждёт?

МАРКИЗ МОНШЕНЮ. Не уступит ли мне Белкомб этого человека? В Париже он будет носить за мной моих собачек...

Уходят. Слышно, как отъезжают кареты. НАПОЛЕОН один.

НАПОЛЕОН. Грохот, движение вод, безлюдье. Даже воинское счастье, даже корона королей, даже свершившаяся честолюбивая мечта – не более как птицы на нашей кровле. Душа уносится – с ветром, по водам, на тысячи миль, – уставшая, подстреленная птица. Вулкан не проснулся, легенда – остывшее пламя. Я жил в Эскориале, в Сан-Суси, я с Гвардией стоял в Кремле, моя конница купалась в океане, но – призрак! От сотворения мира была ли ночь возвышенной? Блистали молнии, я шёл как в тронной зале, и тени, зримая доблесть, внимали мне с восхищением. В безумии одарил мир ночью грандиозной величественности. Ирония высшей пробы. Мюиرون, Бельяр!.. - Безумие? Нет! клянусь последним вздохом, нет! Вы, могучие духом, вы – украшение мира. Эти звёзды светили первым людям, вели Моисея, сияли героям, и значит, мы на верном пути: доблесть и слава! Ланн, Бертъе, Массена!.. Как горько небеса умеют посмеяться. Мареско, где дорога? Прочь из-под этого неба. Руку, мой мальчик, руку?! Мне здоровый ум без пользы: здесь судья безумие. Гуфф! Величие двух шутов. Но эти звёзды были так чудесны... Шлюпка у берега! Мгновение решает судьбы мира. Свобода! Действовать! Со времён пирамид человечество пало низко, века растрочены напрасно, мировой дух погружается в сон. – Америка! Всё дано, всё возможно, усилия – во имя будущего. Существование рода Адама на Земле отнюдь не безусловно. Действовать! В Америку!

(Идёт, но останавливается.)

Ослы в поисках соломы. не стоит горячиться. Им плевать на доблесть. Океан и безмолвие. Молчать и копать землю. Впрягусь в тачку, привезу навоз, разобью парк, посажу цветы. Ветер замер, стихии уснули, долины, где гремели орудия, увеселяет музыка... Нет! - жить с напряжённой мыслью, со страстью!..

(Бежит, но возвращается.)

Я тот же, гений при мне – иссякли бури, сникли, – бури, которыми я предводительствовал. Современное общество мертво для возвышенных дел. Тучи спекулянтов, биржевых игроков, финансовые аферы. Животный эгоизм, способность, к любой гнусности. Новое поколение? – Нажива, карьера, поиски мелких наслаждений. Что им загробное величие. Трусливые мысли, хрупкая воля. Как Сивилла, читаю в грядущем: психически больные люди пишут книги, идеи, рожденные нездоровой фантазией, захватывают воображение масс, история строится на ложных принципах, мышление подчиняется извращённым законам.

(Колокол.)

Душе нет места ни в груди, ни здесь. Пигмеи в правилах исправного раболепия. – Решено: немим укором, вечно, на страже доблести. Схожу с ума, моя Троя в огне: посредственность взяла перевес. Власть мечты! Я бы, конечно, бежал отсюда, но... Ваше общество, господа, мне глубоко отвратительно. Труби, сынок, отходим, – на Флегатон. Ради вас, в ком жива честь, и ради одного только сердца, которое бьётся в унисон с моим. Душа тверда: ждут, полны прежней воли. Власть мечты! Через века и века старый ворчун благословляет вас, дети мои, со своей скалы. И даже если всё, к чему стремишься, – блеф, в резерве – доблесть. И жизнь богов. И когда пробьёт твой час, ты уйди подобно мне, как благодарный и счастливый гость из-за пиршественного стола. Ещё одна ночь, ещё одна победа - над временем. А завтра ночью, в бурю, как песнь стихий, я поднимусь на вершину, обниму камень и маленькая девочка, смерть, подведёт мне коня.

Колокол. Уходит.
КОНЕЦ.